

Высокопреосвященнѣйшій Веніаминъ, Архіепископъ Иркутскій и Нерчинскій.

Осиротѣла Иркутская паства, а съ нею и вся обширная Сибирь лишилась старѣйшаго изъ своихъ іерарховъ; взять отъ земли живыхъ доблестный ратоборецъ за православіе и русскую народность на далекихъ окраинахъ нашего отечества; почилъ отъ трудовъ своихъ неутомимый архіепископъ-миссіонеръ, почти всю жизнь свою посвятившій на святое дѣло Евангельской проповѣди среди сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй полудикихъ племень, населяющихъ Сибирь; угасъ свѣтильникъ, почти тридцать лѣтъ горѣвшій на епископскомъ свѣщницѣ и лучами добротъ своихъ озарявшій отдаленнѣйшіе и мало просвѣщенные уголки нашего дорогаго отечества; умолкъ неустанный пропо-

вѣдникъ правды, мира и любви въ нѣдрахъ его; перестало биться любвеобильное сердце Архипастыря, широтою своей любви обнимавшаго обширную страну Сибирскую: „горько оплакиваемый, всеми любимый, всѣхъ любившій, для всѣхъ доступный, ко всѣмъ ласковый и свисходительный — къ сиротамъ и безпріютнымъ милосердый“ — первосвятитель Иркутскій высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Веніаминъ мирно скончался, послѣ непродолжительной болѣзни, въ 3 часа 20 минутъ утра 2 сего февраля съ полною готовностію предстать предъ престоломъ Всевышняго Судіи и Господа славы, запечатлѣвши послѣдній предсмертный вздохъ свой поучительными и глубокознаменательными словами: «благодарю Бога моего за то, что Онъ посылаетъ такую безболѣзненную и мирную кончину».

Преклоняясь предъ неисповѣдимыми судьбами Промысла Божія, тако устроившаго, возносимъ ко Господу свои усердныя и теплыя молитвы о упокоеніи души новопреставленнаго высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Веніамина въ твердомъ упованіи, что всѣ, знавшіе почившаго Архипастыря, раздѣлятъ съ нами нашу глубокую скорбь и вмѣстѣ съ нами вознесутъ свои пламенные молитвы къ Престолу Всевышняго о упокоеніи почившаго въ райскихъ обителяхъ*).

*) Подробное описаніе болѣзни, кончины и погребенія почившаго Архипастыря начнется съ слѣдующаго нумера Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Высокопреосвященнѣйшій Веніаминъ, Архі- епископъ Иркутскій и Нерчинскій.

(Продолженіе *).

Въ Бозѣ почившій приснопамятный высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Веніаминъ, въ мірѣ Василій Антоновичъ Благодеровъ, уроженецъ Тамбовской губерніи, сынъ бѣдныхъ, но благочестивыхъ родителей (отецъ его былъ сельскимъ священникомъ), обучался сперва въ Шацкомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ Тамбовской духовной Семинаріи. По окончаніи курса семинарскихъ наукъ въ 1846 году, какъ лучшій студентъ Тамбовской Семинаріи, онъ былъ отправленъ для продолженія образованія въ Казанскую духовную Академію. Въ дѣтствѣ воспитанный въ духѣ

истинно-христiанскаго благочестiя, Василiй Антоновичъ, съ ранней молодости пожелавшiй посвятить себя на служенiе Богу, въ продолженiе академическаго курса постриженъ въ монашество, съ именемъ Венiамина, и рукоположенъ во iеродiакона. По окончанiи академическаго курса наукъ въ 1850 году со степенью магистра богословiя, посвященъ во iеромонаха и опредѣленъ бакалавромъ на кафедрѣ церковной исторiи въ той же Казанской духовной Академiи. Съ этого времени начался перiодъ его усиленной дѣятельности: на него возлагаются порученiя за порученiями, ему ввѣряютъ должности за должностями.

Въ теченiе семилѣтней службы своей при Академiи, молодой iеромонахъ Венiаминъ былъ сначала помощникомъ инспектора, а потомъ три раза исправлялъ должность инспектора Академiи. Въ 1855 году опредѣленъ библиотекаремъ и членомъ конференцiи Академiи, а чрезъ годъ членомъ Редакцiоннаго Комитета по изданiю Православнаго Собесѣдника и возведенъ въ званiе экстраординарнаго профессора. За отлично-усердную службу и ученые труды, 28 ноября 1856 года возведенъ въ санъ архимандрита и въ званiе ординарнаго профессора. Въ 1858 году опредѣленiемъ Святѣйшаго Синода назначенъ ректоромъ вновь открытой Томской духовной Семинарiи, профессоромъ богословскихъ наукъ и членомъ мѣстной Консисторiи; въ 1861 году удостоенъ благословенiя Святѣйшаго Правительствующаго Синода и переведенъ ректоромъ въ Костромскую духовную Семинарiю. Но премудро устрояющiй судьбы человѣческiя всеблагой промыслъ Божiй готовилъ его

къ высшему служенію церкви Христовой. Трудившійся до селѣ не на чужомъ основаніи, въ новой Семинаріи, — внѣшнее и внутреннее благоустройство которой требовало отъ своего устроителя ума, энергіи и неустанныхъ трудовъ, неизбежно соединенныхъ съ скорбями и разнаго рода лишеніями, неутомимый труженикъ 5 февраля 1862 года, по докладу Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше назначенъ былъ епископомъ Селенгинскимъ, первымъ викаріемъ Иркутской епархіи, первымъ начальникомъ несуществовавшей до него Забайкальской миссіи, въ 20 день мая того же 1862 года принялъ епископскую хиротонію отъ своего незабвеннаго предмѣстника по кафедрѣ Иркутской — высокопреосвященнѣйшаго Пароенія, архіепископа Иркутскаго и Нерчинскаго и 2 іюня 1862 года явился въ назначенное ему мѣстопробываніе — Посольскій монастырь, основанный въ 1681 году первыми Забайкальскими миссіонерами съ игуменомъ Θεодосіемъ во главѣ. Проникнутый горячею любовію къ распространенію истинной вѣры, владыка — миссіонеръ приложилъ всѣ замѣчательныя качества своего ума и сердца къ исполненію предлежащаго ему миссіонерскаго служенія въ обширной Забайкальской области. Но недолго Забайкальская миссія находилась подъ руководствомъ мудраго и опытнаго владыки — миссіонера. 18 марта 1868 года, по докладу Святѣйшаго Синода, почившій архипастырь Всемилостивѣйше былъ назначенъ на самостоятельную кафедру епископа Камчатскаго, Курильскаго и Алеутскаго. Сопричисленный въ 1870 году къ ордену святыя Анны 1-й степени, въ Возѣ почившій въ мартѣ мѣсяцѣ 1873

года переведенъ былъ на кафедру Иркутскую, — кафедру болѣе видную и исторически выше поставленную, и до послѣднихъ дней своей жизни продолжалъ начатое имъ еще въ званіи начальника Забайкальской миссіи апостольское служеніе въ дѣлѣ проповѣди Евангельской бодро стоя на архипастырскомъ свѣщницѣ, горя и свѣтя.

Не касаясь миссіонерской и административной дѣятельности почившаго высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Веніамина по управленію ввѣряемыми его мудрому попеченію, епархіями, въ томъ непостыдномъ упованіи, что дѣла яже онъ содѣлалъ въ жизни своей, та дѣла ясно и громко свидѣтельствуютъ и будутъ свидѣтельствовать о его чисто апостольской ревности въ дѣлѣ проповѣди Святаго Евангелія на отдаленнѣйшихъ окраинахъ нашего отечества, о его геніальномъ умѣ въ разрѣшеніи многоразличныхъ вопросовъ, касавшихся благоустройства Камчатской и Иркутской епархій и о широтѣ его любвеобильнѣйшаго сердца въ отношеніи какъ къ подчиненнымъ его, такъ равно и ко всѣмъ, лично знавшимъ почившаго архипастыря и входившимъ въ какое—либо общеніе съ нимъ, — мы въ настоящемъ случаѣ имѣемъ въ виду послѣдніе дни его земной жизни и предсмертныя минуты, въ которыя кабинетъ почившаго представлялся по истинѣ училищемъ вѣры и благочестія. Разнообразная-же и плодотворная дѣятельность достославнаго почившаго архипастыря рельефно обрисована и въ особомъ очеркѣ вышедшемъ въ 1888 году по случаю исполнившагося 20 мая 1887 года

двадцатипятилѣтія его епископскаго служенія*), и въ тѣхъ рѣчахъ которыя были произнесены при гробѣ незабвеннаго архипастыря **).

Мощный духомъ и тѣломъ, высокопреосвященнѣйшій Веніаминъ въ послѣдній годъ своей жизни и особенно со времени переѣзда съ лѣтней загородной дачи въ городской архіерейскій домъ, въ концѣ августа минувшаго 1891 года началъ нерѣдко жаловаться на головную боль; но до 6 января сего года чувствовалъ себя настолько бодримъ, свѣжимъ и веселымъ, — что ни кому изъ окружавшихъ его никогда не приходило на мысль, чтобы онъ такъ скоро покинулъ горячо имъ любимую и горячо его любившую и безгранично ему преданную Иркутскую паству. Но съ 6 января онъ началъ чувствовать нѣкоторую слабость въ организмѣ и не придавая, впрочемъ, этому важнаго значенія, онъ 10 января (въ Пятницу), не смотря на слабость голоса, по обычаю унаслѣдованному имъ отъ незабвеннаго своего предшественника по Иркутской кафедрѣ высокопреосвященнѣйшаго Пароенія, архіепископа Иркутскаго и Нерчинскаго, и свято имъ соблюдаемому съ самаго вступленія въ управленіе Иркутскою епархіею и до послѣднихъ дней жизни***), совершалъ Божественную Литургію въ Домовой церкви и читалъ акаѳистъ Божіей Матери, всѣхъ скорбящихъ радости. Нѣтъ сомнѣнія, что

*) Двадцатипятилѣтіе епископскаго служенія высокопреосвященнѣйшаго Веніамина, архіепископа Иркутскаго и Нерчинскаго.

***) Рѣчи будутъ напечатаны въ слѣдующихъ нумерахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

***) Еженедѣльно по Пятницамъ совершается архіерейское служеніе съ чтеніемъ акаѳиста Божіей Матери, всѣхъ скорбящихъ радости.

Высокопреосвященнѣйшій Веніаминъ, Архі- епископъ Иркутскій и Нерчинскій.

(Продолженіе *).

Немедленно прибывшіе: домашній врачъ почившаго Архипастыря докторъ медицины П. П. Асташевскій и инспекторъ мѣстной Врачебной Управы докторъ медицины Н. Е. Маковецкій, по тщательномъ осмотрѣ, признали, что владыку постигла сильно распространившаяся въ то время въ городѣ болѣзнь, извѣстная подъ именемъ инфлюенціи; но при этомъ не нашли въ больномъ ничего серьезно опаснаго, а тѣмъ болѣе смертнаго. Пораженные болѣзнію Архипастыря, его болѣзненный одръ окружали въ то время ректоръ мѣстной духовной Семинаріи архимандритъ Никодимъ, каѳедральный про-

*) См. № 8-й Епарх. Вѣдомостей 1892 г.

тоіерей А. А. Виноградовъ, секретарь Консисторіи В. В. Щербинскій, экономъ архіерейскаго дома и келейники почившаго. Успокоенный врачами, относительно болѣзни, владыка, лежа на одрѣ и какъ бы прозорливо предчувствуя приближеніе часа смертнаго, съ полною готовностію встрѣтить смерть, въ первый разъ произнесъ тѣ поучительныя и глубокознаменательныя слова, повторяемыя имъ нѣсколько разъ во все время свей непродолжительной болѣзни, которыми онъ запечатлѣлъ свой послѣдній предсмертный вздохъ: „благодарю Бога моего за то, что Онъ посылаетъ такую безболѣзненную и мирную кончину,“! Затѣмъ началъ дѣлать свои предсмертныя распоряженія, поручивши секретарю Консисторіи послать первому своему викарію преосвященнѣйшему Макарію, епископу Селенгинскому, имѣющему мѣстопробываніе въ Читѣ Забайкальской области, телеграмму съ извѣстіемъ о своей болѣзни и съ просьбою о немедленномъ прибытіи въ Иркутскъ; тутъ же повторилъ свое, нѣсколько разъ высказываемое имъ ранѣе, желаніе быть погребеннымъ, въ случаѣ смерти, въ усыпальницѣ въ нижнемъ этажѣ новаго еще не отстроеннаго Каѳедральнаго собора, въ той самой могилѣ, которая, по его личному распоряженію, была приготовлена еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ; приказалъ переписать написанное имъ собственноручно послѣ Литургіи въ этотъ день духовное завѣщаніе и собственноручно подписалъ его, сдѣлавши при этомъ распоряженіе, чтобы на слѣдующій день, послѣ поздней Литургіи, совершено было надъ нимъ таинство елеосвященія. Въ девятомъ часу вечера за-

болѣвшаго владыку посѣтилъ главный начальникъ края, Иркутскій генераль-губернаторъ Александръ Дмитриевичъ Горемыкинъ, съ болію въ сердцѣ получившій извѣстіе о болѣзни всѣми любимаго и уважаемаго Архипастыря. Нужно было присутствовать въ этотъ моментъ при встрѣчѣ такихъ людей, чтобы понять, какое уваженіе, какую любовь и какую благодарность питалъ почившій Архипастырь къ высокочтимому начальнику края. Съ любовью трекратно облобызавши Александра Дмитриевича, владыка горячо благодарилъ его за его всегдашнее вниманіе къ нему; съ своей стороны г. начальникъ края, принявши архипастырское благословеніе, старался успокоить владыку относительно его болѣзни и, указавши ему на совѣты врачей предаться покою, оставилъ кабинетъ почившаго. Около десяти часовъ владыка успокоившись заснулъ и съ частыми перерывами спалъ нѣсколько часовъ, хотя и не крѣкимъ сномъ; но въ четвертомъ часу утра слѣдующаго дня (11 января) приказалъ позвать духовника, исповѣдался и сподобился Причастія тѣла и крови Христовой, --выразивши потомъ желаніе, чтобы назначенное имъ наканунѣ послѣ поздней Литургіи таинство елеосвященія было совершено надъ нимъ ранѣе. Къ 8-ми часамъ утра къ болѣзненному одру почившаго собрались пожелавшіе принять участіе въ таинствѣ елеосвященія и помолиться о здравіи дорогаго своего Архипастыря городскіе протоіереи и священники. Таинство елеосвященія совершалъ ректоръ духовной Семинаріи архимандритъ Никодимъ, въ сослуженіи кафедральнаго протоіерея А. Виноградова, протоіерея Г. Можарова, протоіерея Г. Шергина, духовника

почившаго священника П. Итимскаго, помощника благочиннаго священника Василя Копылова и вѣкоторыхъ другихъ священниковъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ миссіонеръ, священникъ А. Сухановъ. Умилительныя пѣснопѣнія чина таинства елеосвященія пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ. Сидя въ креслѣ, почившій Архипастыръ во все время совершенія чина елеосвященія державшій въ лѣвой рукѣ зажженную свѣчу, погрузился въ молитвенное настроеніе и не смотря на ослабѣвшія силы, старался вставать при чтеніи cadaго евангелія и слѣдовавшей за нимъ молитвы; но не имѣя на столько твердости въ ногахъ, чтобы стоять самостоятельно, былъ поддерживаемъ присутствовавшими здѣсь врачами г. Асташевскимъ и г. Маковецкимъ.

(Продолженіе послѣдуетъ).

Высокопреосвященнѣйшій Веніаминъ, Архі- епископъ Иркутскій и Нерчинскій.

(Продолженіе *).

По окончаніи таинства елеосвященія, совершеннаго съ особою торжественностію, при стройномъ и умилительномъ пѣніи хора архіерейскихъ пѣвчихъ, почившій Архипастыръ со слезами на глазахъ пытался поклониться до земли всѣмъ присутствовавшимъ, не смотря на слабость своихъ силъ, и благословляя каждого, подходившаго къ нему и кланявшагося до земли, лобызалъ, высказывая каждому свою любовь и свою благодарность за усердіе и по обязанностямъ службы и по отношенію къ нему лично, испрашивая у каждого прощенія и выражая при этомъ свойственное только

*) См. № 9-й Епарх. Вѣдомостей 1892 г.

ему смиреніе, что онъ ни отъ кого изъ своихъ подчиненныхъ не получалъ ни огорченія, а тѣмъ болѣе неприятностей. Этотъ незабвенный моментъ прощанія подчиненныхъ съ своимъ любимымъ Архипастыремъ, или точнѣе, дѣтей съ своимъ нѣжно ихъ любившимъ отцемъ неподдается описанію: всѣ плакали горькими слезами; каждый сознавалъ всю тяжесть потери, которую онъ понесетъ со смертію владыки — просвѣщеннѣйшаго, любвеобильнѣйшаго, гуманнѣйшаго, безкорыствѣйшаго, всецѣло преданнаго своему великому и многотрудному Архипастырскому служенію, ... хотя у cadaго не только не исчезала, но и не ослабѣвала надежда на его выздоровленіе. Успокоенный затѣмъ врачами, владыка, легшій въ постель и строго и аккуратно исполнявшій совѣты врачей, прописывавшихъ ему лекарства, успокоился, что очень замѣтно отразилось на состояніи его здоровья: съ слѣдующаго дня онъ началъ чувствовать себя съ каждымъ часомъ лучше и лучше, такъ что утромъ 16 января (въ четвергъ) онъ, къ неизглаголанной радости не только подчиненныхъ своихъ, но и всѣхъ жителей города Иркутска, съ напряженнымъ вниманіемъ зорко слѣдившихъ за ходомъ болѣзни своего любимаго и высокочтимаго Архипастыря, былъ уже въ силахъ встать съ болѣзненнаго одра, сидѣть въ креслѣ и даже ходить по комнатѣ безъ посторонней помощи. Всѣ иркутяне, узнавши объ этомъ отрадномъ улучшеніи въ состояніи здоровья своего дорогаго Архипастыря, усугубили о его здравіи свои пламенные молитвы, которыя ежедневно и за каждымъ богослуженіемъ возносились во всѣхъ городскихъ храмахъ съ перваго же

момента наступленія постигшей владыку болѣзни. Владыка въ этотъ день былъ такъ бодръ и веселъ, что долго бесѣдовалъ съ преосвященнѣйшимъ Макаріемъ, который прибылъ изъ Читы въ этотъ день около двухъ часовъ дня; но, къ крайнему огорченію всѣхъ иркутянь, вечеромъ того же дня почувствовалъ себя хуже, жалуясь на слабость какъ во всемъ организмѣ, такъ особенно въ лѣвой рукѣ и ногѣ. Это было прискорбнымъ предвѣстникомъ того параличнаго пораженія, которое постигло всю лѣвую половину организма почившаго Архипастыря... Впрочемъ этотъ усилившійся приступъ болѣзни, его, вызванный скорѣе чисто внѣшними обстоятельствами, чѣмъ послѣдовательнымъ ходомъ самой болѣзни, скоро миновалъ: за два слѣдующіе дня владыка, благодаря медицинской помощи, настолько поправился, что въ слѣдующее воскресенье (19 января) вышелъ изъ своего кабинета въ алтарь смежной съ нимъ Домовой архіерейской церкви, приобщился Тѣла и Крови Христовой, которыхъ онъ сподоблялся почти ежедневно съ 11 января, и затѣмъ, по окончаніи Литургіи, безъ посторонней помощи вышедши изъ алтаря и стоя на солеѣ, преподавалъ свое (послѣднее) Архипастырское благословеніе присутствовавшему въ церкви народу, жаждавшему этого благословенія и съ умиленною душою, сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами на глазахъ принимавшему его... Возвратившись изъ церкви, онъ чувствовалъ себя бодрымъ и веселымъ, долго бесѣдовалъ съ преосвященнѣйшимъ Макаріемъ и затѣмъ во второмъ часу, поджидая къ обѣду преосвященнѣйшаго Макарія, отправившагося въ этотъ день

къ г. начальнику края, нѣсколько задремалъ и въ это-то время его постигло то роковое параличное пораженіе, которое постепенно усиливаясь, свело его и въ могилу. Упавши съ кресла и поднятый келейниками, владыка легъ на смертный одръ, уже съ котораго не всталъ; врачи констатировали фактъ параличнаго пораженія всей лѣвой стороны организма... Жгучею болью отозвалось въ сердцахъ иркутянъ быстро разнесшееся по городу печальное извѣстіе о новомъ и тяжкомъ осложненіи болѣзни почившаго Архипастыря, которое то временно ослабѣвая, то затѣмъ усиливаясь, постепенно ослабляло крѣпкій организмъ почившаго и съ этого дня замѣтно для всѣхъ окружавшихъ ярко свѣтившій добротою своею первосвятитель началъ угасать, подобно догорающей свѣчѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и самъ онъ съ этого времени понялъ всю опасность своего положенія, уготовляя себя къ мирной и непостыдной кончинѣ!... Не видя улучшенія въ состояніи своего здоровья въ теченіи слѣдующихъ двухъ дней, онъ утромъ 22 января поручилъ присутствовавшему при его болѣзненномъ одрѣ послать преосвященнѣйшему Агаѳангелу, находившемуся въ то время въ епархіи для обзрѣнія приходскихъ церквей, телеграмму съ извѣстіемъ о своей болѣзни, а вечеромъ того же дня высказалъ преосвященнѣйшему Макарію свое желаніе чтобы на слѣдующій день послѣ Литургіи было вторично совершено надъ нимъ таинство елеосвященія. Но въ ночь съ 22 на 23 января болѣзнь приняла такую острую форму, что присутствовавшій при почившемъ врачъ не скрывалъ уже отъ присутствовавшихъ опасности смертнаго исхо-

да, а потому назначенное накануне послѣ поздней Литургіи таинство елеосвященія было торжественно совершено преосвященнѣйшимъ Макаріемъ въ сослуженіи многихъ городскихъ протоіереевъ и священниковъ, при стройномъ и умильномъ пѣніи хора архіерейскихъ пѣвчихъ, нѣсколько ранѣе. По окончаніи таинства елеосвященія, почившій Архипастырѣ, трогательно простившись со всѣми окружавшими его и затѣмъ снова сподобившись причастія Тѣла и Крови Христовой, — по совѣту врачей, былъ оставленъ въ совершенномъ покоѣ, — такъ что доступъ въ его кабинетъ, въ которомъ лежалъ почившій, былъ открытъ уже не многимъ. Съ каждымъ слѣдующимъ днемъ болѣзнь почившаго Архипастыря болѣе и болѣе усиливалась, такъ что, видимо вынудила его, съ твердою вѣрою во всеблагую Промысль Божій доселѣ переносившаго болѣзненныя страданія, высказать жалобу на сильную боль въ спинѣ, лѣвой рукѣ и ногѣ... Съ покорностію святой волѣ Божіей, владыка съ невозмутимымъ спокойствіемъ и истинно-христіанскимъ упованіемъ взиралъ на исходъ свой отъ сего брэннаго житія и испрашивая у каждаго, посѣщавшаго его въ эти послѣдніе предсмертныя дни, молитвъ о немъ по смерти нѣсколько разъ повторялъ тѣ поучительныя и глубокознаменательныя слова, которыя онъ произнесъ при первомъ приступѣ своей болѣзни: „благодарю Бога моего за то, что Онъ посылаетъ такую безболѣзненную и мирную кончину“! А болѣзнь между тѣмъ продолжала свое дѣло: съ каждымъ днемъ усиливалась слабость во всемъ организмѣ, ускорялось біеніе пульса повышалась температура, голосъ ослабѣвалъ, аппетита

не было... Такъ продолжалось до роковой ночи съ 1 на 2 февраля. Утромъ 1 февраля, сподобившись причастія Тѣла и Крови Христовой, почившій Архипастырѣ, въ прозорливомъ предчувствіи своей кончины, высказалъ присутствовавшему въ это время при немъ преосвященнѣйшему Агаѳангелу, что онъ сподобляется сего великаго и спасительнаго общенія со Христомъ въ послѣдній разъ въ сей земной жизни! И дѣйствительно въ 3 часа 20 минутъ утра слѣдующаго дня (2 февраля) онъ мирно почилъ отъ трудовъ своихъ, предавши чистую, благочестивую и любвеобильную Архипастырскую душу свою въ руку Божію и запечатлѣвши свой послѣдній вздохъ тѣми словами, которыя нерѣдко во время своей болѣзни произносилъ вслухъ всѣхъ: „благодарю Бога моего за то, что Онъ посылаетъ такую безболѣзненную и мирную кончину“!....

(Продолженіе послѣдуетъ).

Высокопреосвященнѣйшій Веніаминъ, Архі- епископъ Иркутскій и Нерчинскій.

(Продолженіе *).

Съ быстротою молніи разнеслась по городу печаль-
ная вѣсть о смерти всѣми любимаго и уважаемаго Архи-
пастыря еще прежде, чѣмъ медленные и заунывные
звѣки большого колокола на колокольнѣ Каѳедральнаго
Собора убѣдили всѣхъ иркутянъ въ горестномъ для нихъ
событіи!... Немедленно собравшіеся къ браннымъ остан-
камъ владыки духовныя лица, во главѣ съ преосвящен-
нѣйшимъ Макаріемъ, горько оплакивали кончину своего
незабвеннаго и любвеобильнѣйшаго Архипастыря и
отца!... Смерть великаго человѣка вызвала и обильныя
слезы;—чувствовалось, что не стало мощной духовной

*) См. № 10-й Епарх. Вѣдомостей 1892 г.

силы, не стало великаго ратоборца за православіе и русскую народность въ странѣ Сибирской, не стало не-
 утомимаго труженника, не стало смиреннѣйшаго святи-
 теля, не стало благостнѣйшаго Архипастыря, не стало
 мудраго администратора, не стало любвеобильнѣйшаго
 человѣка: великая утрата!... Въ четыре часа утра, по
 совершеніи положеннаго по чину отиранія чистымъ эле-
 емъ, тѣло почившаго Архипастыря, при стройномъ пѣ-
 ніи хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ входнаго „*Достойно
 есть*“..., было торжественно перенесено на рукахъ при-
 сутствовавшими протоіереями и священниками изъ ка-
 бинета почившаго, въ которомъ онъ находился во все
 время своей болѣзни и въ которомъ мирно почилъ, въ
 залъ архіерейскаго дома, и тотчасъ-же началось обла-
 ченіе почившаго Архипастыря въ полное архіерейское
 облаченіе, причемъ иподіаконъ съ дикиріемъ и трики-
 ріемъ, лампадчикъ съ зажженною свѣчею и посошникъ
 съ посохомъ стояли у изголовья, а два протодіакона
 съ кадилами у ногъ почившаго; при этомъ одинъ изъ
 нихъ возглашалъ, по чину, „Господу помолимся, а дру-
 гой—положенный при архіерейскомъ облаченіи молитвы,
 хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ исполнялъ стройно и уми-
 лительно положенное же по чину при облаченіи пѣсно-
 пѣніе. По окончаніи облаченія, надъ тѣломъ почив-
 шаго была совершена преосвященнѣйшимъ Макаріемъ,
 въ сослуженіи ректора духовной Семинаріи, Каѳедраль-
 наго протоіерея, ключаря собора, духовника почившаго
 и нѣкоторыхъ другихъ священниковъ, первая заупокой-
 ная литія, при множествѣ уже успѣвшаго собраться въ
 архіерейскій домъ народа; а затѣмъ самъ же преосвя-

щеннѣйшимъ Макаріемъ начато чтеніе Евангелія, непрерывавшееся день и ночь до самаго погребенія почившаго Архипастыря. О смерти владыки немедленно было сообщено Святѣйшему Правительствующему Синоду, господину Оберъ-Прокурору Синода, Управляющему Канцелярією Синода, многимъ архипастырямъ, лично знавшимъ почившаго и питавшимъ къ нему глубокое уваженіе, и нѣкоторымъ свѣтскимъ лицамъ — почитателямъ почившаго; а съ 6-ти часовъ утра двери архіерейскаго дома были открыты для всѣхъ, желавшихъ поклониться тѣлу почившаго Архипастыря. Безъ различія званій и состояній, пола и возраста иркутяне цѣлыми массами спѣшили въ архіерейскій домъ поклониться тѣлу любимаго своего владыки, и это народное движеніе продолжалось до самаго погребенія почившаго Архипастыря... А между тѣмъ во всѣхъ городскихъ храмахъ за позднею Литургією возносились уже усердныя и теплыя молитвы о упокоеніи въ райскихъ обителяхъ души новопреставленнаго архіепископа Веніамина. Послѣ поздней Литургіи, совершенной преосвященнѣйшимъ Макаріемъ въ Каѳедральномъ Соборѣ, въ покояхъ архіерейскаго дома надъ тѣломъ почившаго самимъ же архипастыремъ, въ сослуженіи ректора Духовной Семинаріи, каѳедральнаго протоіерея, членовъ Духовной Консисторіи и многихъ городскихъ протоіеревъ и священниковъ, при стройномъ и умильномъ пѣніи хора архіерейскихъ пѣвчихъ, торжественно совершена была заупокойная панихида, за которою присутствовали: г. начальникъ края съ супругою, г. начальникъ губерніи съ супругою, городской голова съ супругою и многіе

другіе представители гражданской и военной власти, а также множество посторонняго народа, желавшаго помолиться о упокоеніи души почившаго. Въ пять часовъ вечера таковая же торжественная панихида была соверщена преосвященнѣйшимъ Агаѳангеломъ, при множествѣ молящихся. Подобныя торжественныя панихиды совершались до самаго погребенія почившаго Архипастыря ежедневно въ 12 часовъ дня и въ 5-ть часовъ вечера, причемъ панихиду, назначенную въ 12-ть часовъ дня, совершалъ преосвященнѣйшій Макарій, а вечернюю, назначенную въ 5-ть часовъ, преосвященнѣйшій Агаѳангель. Но, независимо отъ сего, все время съ 2 и до 6 февраля было непрерывнымъ служеніемъ панихидъ и литій, — совершаемыхъ по желанію не только цѣлыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній, но и многихъ частныхъ лицъ, любившихъ и почитавшихъ почившаго Архипастыря: утромъ 3-го февраля была совершена панихида законоучителемъ женскаго училища духовнаго вѣдомства, въ присутствіи начальницы, воспитательницъ и воспитанницъ училища, а въ часъ дня ректоромъ Духовной Семинаріи въ сослуженіи съ шестью преподавателями, имѣющими духовный санъ, въ присутствіи инспектора, свѣтскихъ преподавателей и воспитанниковъ Семинаріи, при пѣніи хора семинарскихъ пѣвчихъ. Кромѣ того, совершались панихиды отъ Иркутскаго Знаменскаго женскаго монастыря, отъ всѣхъ среднихъ и высшихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній и множества частныхъ лицъ... Днемъ для перенесенія тѣла въ Бозѣ почившаго Архипастыря изъ архіерейскаго дома, въ Каѳе-

дральный соборъ, по особому, заранѣ составленному и утвержденному преосвященнѣйшимъ Макаріемъ, церемоніалу, было назначено четвертое февраля, а днемъ погребенія — шестое февраля. Въ понедѣльникъ, 3 февраля, вечеромъ, по окончаніи заупокойной панихиды, при многочисленномъ стеченіи народа, тѣло почившаго Архипастыря было положено во гробъ, обитый дорогою серебряною парчею и украшенный вызолоченными кистями. Утромъ, 4-го февраля преосвященнѣйшимъ Макаріемъ была получена, за подписью первенствующаго члена Святѣйшаго Правительствующаго Синода, высокопреосвященнѣйшаго Исидора, телеграмма, которою поручено совершить погребеніе почившаго Архипастыря преосвященнѣйшему Макарію совмѣстно съ преосвященнѣйшимъ Агаѳангеломъ, — а временное управленіе епархіею, до назначенія преемника почившему, возложено на преосвященнѣйшаго Макарія, епископа Селенгинскаго. Во вторникъ 4 февраля въ 12-ть часовъ дня, по окончаніи заупокойной Литургіи, совершенной преосвященнѣйшимъ Макаріемъ въ домово́й церкви архіерейскаго дома, — обоими архипастырями: преосвященнѣйшимъ Макаріемъ и преосвященнѣйшимъ Агаѳангеломъ, въ сослуженіи ректора Духовной Семинаріи, архимандрита Никодима, помощника начальника Забайкальской миссіи, архимандрита Димитрія, нарочито прибывшаго къ этому времени изъ Посольскаго монастыря, кафедральнаго протоіерея, членовъ Консисторіи и всего городского духовенства, а равно многихъ сельскихъ священниковъ, прибывшихъ въ Иркутскъ для поклоненія тѣлу почившаго своего Архипастыря, была оправ-

лена краткая заупокойная литія, по окончаніи которой, при многотысячной массѣ иркутянъ, было торжественно совершено перенесеніе тѣла почившаго Архипастыря изъ архіерейскаго дома въ Каѳедральный Соборъ. При перенесеніи тѣла почившаго присутствовали г. начальникъ края съ супругою и многіе представители гражданской и военной власти.

(Продолженіе послѣдуетъ).

Высокопреосвященнѣйшій Веніаминъ, Архі- епископъ Иркутскій и Нерчинскій.

(Продолженіе *).

Самое перенесеніе тѣла было совершено въ такомъ порядкѣ: впереди процессіи псаломщикъ въ стихарѣ несъ фонарь съ возженною свѣчею, за нимъ два діакона несли: одинъ запрестольный крестъ, а другой икону Богоматери,—а за тѣмъ два псаломщика въ стихаряхъ несли хоругви. Знаки отличія почившаго Архипастыря на четырехъ бархатныхъ малиноваго цвѣта подушкахъ были несены четырьмя священниками, за которыми въ стройномъ порядкѣ (по возрасту—малень-

*) См. № 11-й. Еп. арх. Вѣдомостей 1892 г.

кіе впереди) шель хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ въ парадныхъ костюмахъ съ пѣніемъ умилительныхъ пѣсней канона: „Помощникъ и Покровитель“. За пѣвчими была несена крышка гроба нѣсколькими священниками, при чемъ по сторонамъ крышки шли два діакона съ кадилами; кlobукъ съ алмазнымъ крестомъ на немъ и четки были несены на маломъ омофорѣ протоіереемъ С. Писаревымъ, а митра, крестъ и панагія на большомъ омофорѣ протоіереемъ В. Громовымъ; по сторонамъ шли два иподіакона съ трикиріемъ и дикиріемъ, а за ними жезлоносець въ стихарѣ, несій жезлъ Архипастыря. Впереди гроба шли городскіе (и много сельскихъ) протоіереи и священники по парно, младшіе впереди, въ бѣлыхъ газетовыхъ облаченіяхъ; гробъ съ тѣломъ почившаго Архипастыря былъ несенъ на рукахъ: ректоромъ Духовной Семинаріи архимандритомъ Никодимомъ, помощникомъ начальника Забайкальской миссіи архимандритомъ Димитріемъ, кафедральнымъ протоіереемъ А. Виноградовымъ и протоіереями: Григоріемъ Можаровымъ, Иннокентіемъ Шастинымъ, Григоріемъ Шергинымъ и Стефаномъ Благообразовымъ, при чемъ два діакона несли по сторонамъ гроба рипиды, четыре діакона подсвѣчники съ возженными свѣчами, а почетные представители городского общественнаго самоуправленія несли надъ гробомъ на древкахъ богатоукрашенный балдахинъ. За гробомъ слѣдовали: временно управляющій епархіею преосвященнѣйшій Макарій, епископъ Селенгинскій и преосвященнѣйшій Агаѳангель, епископъ Киренскій, за ними два протодіакона съ кадилами. По выходѣ изъ архіерейскаго дома, по

западному парадному крыльцу, шествіе въ указанномъ порядкѣ, при медленномъ заунывномъ звонѣ съ переборомъ колоколовъ на колокольняхъ: Домовой архіерейской церкви, Каѳедральнаго Собора и ближайшихъ: Спасской, Воскресенской и Владимірской церквей, -- направилось къ Каѳедральному Собору, по входѣ въ который гробъ Архипастыря былъ поставленъ на особо устроенномъ катафалкѣ и тотчасъ-же, въ присутствіи г. начальника края и многихъ другихъ представителей гражданской и военной власти, при многочисленномъ стеченіи народа, буквально переполнившаго помѣстительный Каѳедральный соборъ, преосвященнѣйшимъ Макаріемъ совмѣстно съ преосвященнѣйшимъ Агаѳангеломъ, въ сослуженіи двухъ архимандритовъ и всего городского и сельскаго духовенства, участвовавшаго въ перенесеніи тѣла почившаго Архипастыря, при стройномъ и умильномъ пѣніи архіерейскихъ пѣвчихъ, была совершена торжественная заупокойная панихида, во время которой, послѣ краткой ектеніи, по шестой пѣсни канона, предъ пѣніемъ „Со звятими упокой“... Отецъ каѳедральный протоіерей Аѳанасій А. Виноградовъ, — учившійся въ Казанской Духовной Академіи въ то время, когда почившій Архипастырь былъ бакалавромъ Академіи, и долгое время служившій подъ его мудрымъ архипастырскимъ руководствомъ, а потому лично хорошо знавшій почившаго, прерывающимся отъ волненія голосомъ, произнесъ слѣдующую, глубоко-прочувствованную и вызвавшую обильныя слезы у многихъ, присутствующихъ въ соборѣ, рѣчь:

Гони правду, благочестіе, вѣру, любовь, терпѣніе, кротость. Подвизайся добрымъ подвигомъ вѣры, емлися за вѣчную жизнь. (1 Тим. 6, 12).

Такое наставленіе, наканунѣ своей мученической кончины, св. Апостоль Павелъ далъ своему возлюбленному ученику и неизмѣнному сотруднику въ евангельской проповѣди Тимоѳею, поставленному еп. Ефесскимъ; слѣд. далъ его и всѣмъ епископамъ, преемникамъ своего апостольскаго служенія. Не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что почившій, искренно и глубоко оплакиваемый нами, Архипастырь вполнѣ осуществилъ въ своей жизни и дѣятельности эти возвышенныя качества епископскаго служенія. Не для похвалъ, почившій не любилъ похвалъ, но для нашего назиданія и утѣшенія въ скорби, такъ неожиданно насъ постигшей, я позволяю себѣ первый, при семъ печальномъ гробѣ, остановить ваше вниманіе, благочестивые читатели памяти почившаго Архипастыря, на изображеніи возвышенныхъ христіанскихъ качествъ его души, руководствуясь наставленіемъ Апостола. Простите, если слово мое будетъ слабо и не соотвѣтствовать своему предмету, — прости ты, и мой дорогой Архипастырь и отецъ, что я осмѣливаюсь коснуться тайнъ твоей души, которыя ты при своей жизни любилъ скрывать подъ покровомъ христіанскаго смиренія.

Гони правду, пишетъ св. Апостоль своему ученику. И ты, нашъ Архипастырь и отецъ, всегда гналъ правду, т. е. старался всегда и во всемъ поступать справедливо по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, воздавая каж-

дому по его дѣламъ. Любимцевъ у тебя не было; любимцемъ твоимъ, какъ ты не рѣдко говаривалъ, былъ тотъ, кто болѣе другихъ трудился и работалъ на нивѣ Христовой: такого ты награждалъ предпочтительно предъ другими, съ такимъ человѣкомъ ты любилъ преимущественно бесѣдовать о дѣлахъ. По отношенію къ погрѣшившимъ, ты не ограничивался строгимъ формальнымъ приложеніемъ закона къ виновному; ты обращалъ вниманіе и на естественную слабость человѣческой природы, принималъ во вниманіе добрыя душевныя качества виновнаго, и по нимъ уже произносилъ судъ. Вотъ по чему во всѣхъ твоихъ рѣшеніяхъ милость и истина срѣтались, правда и миръ лобызались. Рѣдко ты приходилъ къ виновнымъ съ палицею, но больше съ любовію и духомъ кротости. Да и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ты каралъ виновнаго палицей, — она, эта палица, была въ твоихъ рукахъ палицею отца, карающаго виновнаго, но все таки любимаго сына, а отъ того виновные и наказанные тобой готовы были лобызать самую палицу, ихъ карающую.

Гони благочестіе, учитъ своего ученика св. Апостоль. И ты, нашъ отецъ, всю жизнь гналъ благочестіе. Еще въ юности, на школьной скамьѣ, ты отрекся отъ міра и его искушеній, принялъ равно-ангельскій образъ и остался ему вѣренъ до конца жизни. О твоёмъ благочестіи достаточно свидѣлствуютъ твои не уставныя церковныя служенія. Не было ни одного церковнаго праздника, который бы ты оставилъ безъ собственнаго архіерейскаго служенія; — во время обозрѣнія епархіи, ты служилъ ежедневно: въ одной

церкви всенощное бдѣніе, а въ другой — Литургію, въ теченіи мѣсяца и болѣе, и никакія препятствія, ни собственные немощи, ни путевыя затрудненія, не могли удержать тебя отъ предназначенныхъ тобой церковныхъ служеній. Даже наканунѣ своей предсмертной болѣзни, чувствуя уже глубокой упадокъ своихъ силъ и предчувствуя печальный исходъ своей болѣзни*), ты не хотѣлъ отказаться отъ обычнаго служенія Литургіи въ своей Домовой церкви и обычнаго чтенія акаѳиста Божіей Матери въ пятокъ. А во время облегченія твоей болѣзни — что было твоею первою мыслию? Твоею первою мыслию было служить въ ближайшій праздникъ въ своей Домовой, или въ Соборѣ, — и никакія увѣщанія близкихъ тебѣ людей не могли отклонить твою мысль отъ этого намѣренія, пока ты не почувствовалъ полного безсилія. Любишь ты побесѣдовать съ близкими тебѣ людьми, побесѣдовать откровенно, но твоя бесѣда всегда была проникнута духомъ христіанскаго благочестія: она всегда была занимательна, всегда выслушивалась со вниманіемъ, и оставляла за собой самое лучшее христіанское впечатлѣніе.

Гони вѣру, говоритъ Апостоль. И ты, нашъ отецъ, будучи самъ человѣкомъ глубоко вѣрующимъ, всю жизнь заботился о поддержаніи въ православномъ народѣ св. вѣры и распространеніи ея среди язычниковъ. Съ цѣлю поддержанія и укрѣпленія св. вѣры среди православныхъ, ты неустанно проповѣдывалъ Слово Божіе во время своихъ церковныхъ служеній; тотъ же

*) Высокопреосвященный въ этотъ день, послѣ Литургіи, собственноручно написалъ свое духовное завѣщаніе.

духъ ревности къ проповѣдыванію Слова Божія ты старался пробудить въ подчиненныхъ тебѣ пастыряхъ, и одинъ изъ первыхъ русскихъ архипастырей сталъ заводить въ своей епархіи внѣцерковныя собесѣдованія. А твои заботы о распространеніи св. вѣры среди язычниковъ? Кто ихъ не знаетъ! Это было твое любимое дитя, о которомъ думалъ ты день и ночь, это было твоею любимою темою бесѣды со всѣми людьми, могущими оказать содѣйствіе миссіи, или воспрепятствовать ей; объ этомъ предметѣ ты счелъ долгомъ и имѣлъ счастье бесѣдовать съ Наслѣдникомъ русскаго престола. Единственный предметъ, который могъ вывести тебя изъ твоего всегдашняго спокойнаго состоянія духа, это противодѣйствіе христіанской миссіи, со стороны тѣхъ, которые по своей должности обязаны заботиться объ ея процвѣтаніи.

Тони любовь, терпѣніе, кротость, внушаетъ Апостоль. И ты, нашъ отецъ, всю жизнь слѣдовала стезею любви, кротости и терпѣнія. Твоя любовь, кротость и терпѣніе были не изчерпаемы. Твоя любовь выражалась не столько въ щедрой помощи, раздаваемой тобой ежедневно нищимъ и убогимъ, сколько въ томъ духѣ кротости и терпѣнія, съ которыми ты относилась къ людямъ вообще и въ частности къ твоимъ подчиненнымъ. Не многіе могли видѣть тебя въ состояніи раздраженія на человѣка; для этого нуженъ былъ проступокъ, выходящій изъ ряду вонъ, — но и тутъ, спустя минуту, ты былъ уже совершенно спокоенъ, и какъ бы забывая виновнаго, а видя предъ собою сына, говорилъ съ нимъ съ отеческою любовію, особенно,

если замѣчалъ со стороны виновнаго раскаяніе. Ты былъ совершенно чуждъ всякаго чувства самолюбія и самомнительности, столь часто помрачающихъ дѣйствія людей высокопоставленныхъ. Тебѣ смѣло можно было говорить правду, не боясь возбудить твое негодованіе, ты или принималъ совѣтъ съ благодарностію, или отвергалъ его съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ. Ты всячески старался примирить съ собою тѣхъ, которые имѣли противъ тебя какія либо предубѣжденія, и рѣдко тебѣ не удавалось примирить съ собою человѣка, кромѣ развѣ того, кто глубоко расходился съ тобою въ своихъ убѣжденіяхъ, но и здѣсь ты умѣлъ воздавать должное заслугамъ человѣка и поддерживать его тамъ, гдѣ онъ могъ принести пользу. Твоя любовь, кротость и терпѣніе особенно ярко выразились въ твоихъ словахъ, сказанныхъ тобою на смертномъ одрѣ: «прошу простить меня, если я кого-либо въ чемъ-нибудь оскорбилъ, самому же мнѣ не въ чемъ прощать другихъ; ибо я не могу припомнить ни какихъ личныхъ оскорбленій,—не помню и не знаю. Всѣ меня любили и уважали; всѣ слушались; всѣхъ благодарю». И этому вполне повѣрить тотъ, кто ближе зналъ твою добрейшую душу, Архипастырь: ты забывалъ зло, тебѣ сдѣланное, и помнилъ и вспоминалъ съ любовію только добро!

Подвизайся добрымъ подвигомъ вѣры и емлися за вѣчную жизнь,—пишетъ св. Апостоль своему ученику. И ты, нашъ отецъ, всю жизнь подвизался добрымъ подвигомъ вѣры, емлися за вѣчную жизнь. Ни что земное тебя не прельщало, ни слава, ни почести. Ты жилъ такъ, что каждую минуту готовъ былъ предстать

предъ Господомъ; подобно апостолу, ты могъ сказать о себѣ: „мнѣ еже жити Христосъ, а еже умрети пріобрѣтеніе есть“. (Фил. 1, 21). Единственнымъ твоимъ земнымъ пожеланіемъ въ послѣдніе два года твоей жизни было окончить новый соборъ, освятить его, отслужить въ немъ и затѣмъ опочить подъ сводами его на вѣки. Но и это невинное желаніе было забыто тобой въ предсмертныя минуты жизни, и ты не разу не пожелалъ себѣ выздоровленія съ тѣмъ, чтобы исполнилось твое желаніе видѣть окончаніе собора. Отъ того ты такъ спокойно и радостно говорилъ о смерти съ лицами, окружавшими твой смертный одръ. Смерть была для тебя не грознымъ и неожиданнымъ посѣтителемъ, а радостнымъ, давно ожидаемымъ тобою гостемъ. Ибо ты глубоко вѣрилъ въ вѣчную жизнь, ожидающую тебя за гробомъ. И Господь въ утѣшеніе наше послалъ тебѣ почти безболѣзненную кончину, съ сохраненіемъ полного сознанія до послѣднихъ минутъ твоей жизни. Ты умеръ послѣ двухкратныхъ молитвенныхъ напутствованій въ вѣчную жизнь и многократнаго, во время болѣзни, принятія св. Даровъ.

Дай Богъ, братіе, каждому изъ насъ такую мирную, не постыдную, христіанскую кончину, какую Господь послалъ почившему Архипастырю. Но помните: ее надобно заслужить предъ Господомъ всею своею жизнію: одни праведники сподобляются такой кончины, смерть же грѣшниковъ люта.

Будемъ молить Господа, чтобы онъ простилъ почившему Архипастырю вся его вольныя и невольныя прегрѣшенія; ибо кто чистъ отъ скверны, аще и единъ

день житія его на земли. Будемъ просить Господа, чтобы онъ вселилъ душу нашего отца въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Иакова, идѣже праведницы упокоиваются! И ты, нашъ Архипастырь, взаимно не забывай насъ, еще влающихъ въ морѣ житейскихъ попеченій, въ своихъ загробныхъ молитвахъ предъ престоломъ Божиимъ, — молись, чтобы укрѣплялась св. вѣра среди твоей осиротѣвшей паствы, процвѣтало благочестіе, искоренялись пороки, чтобы слово Божіе изобильно сѣялось среди окружающихъ твою паству язычниковъ, да будетъ въ твоей паствѣ — едино стадо и единъ пастырь!

(Продолженіе послѣдуетъ).

Высокопреосвященнѣйшій Веніаминъ, Архі- епископъ Иркутскій и Нерчинскій.

(Продолженіе *).

Какъ-то особенно тяжело отозвалось въ сердцахъ присутствовавшихъ стройно и умирительно пропѣтое вслѣдъ за тѣмъ „Со святыми упокой!“... Всякій чувствовалъ и тяжесть общей скорби, постигшей Иркутскую паству, и величіе утраты, понесенной ею въ лицѣ великаго и любимаго Архипастыря не только Иркутской, но и всей русской церкви!... По окончаніи торжестве-

*) См. № 12-й. Епарх. Вѣдомостей 1892 г.

ной панихиды, до пяти часовъ вечера продолжалось служеніе частныхъ панихидъ, — а между тѣмъ народъ цѣлыми массами прибывалъ въ Каѳедральный Соборъ, чтобы въ послѣдній разъ поклониться тѣлу своего дорогого владыки и облобызать его щедродательную десницу. Съ особенною скорбію въ сердцѣ прощались съ своимъ отцемъ и питателемъ меньшая братія Христова, — нищіе и безпріютные, которыхъ щедро питалъ, при своей жизни, любвеобильный и благотворительный почившій Архипастырь, видя въ нихъ ангеловъ Божіихъ. Въ пять часовъ вечера было торжественно совершено заупокойное всенощное бдѣніе, по окончаніи котораго, до самой поздней ночи не прекращалось массовое движеніе народа, безъ различія званія и состоянія, пола и возраста, въ Каѳедральный Соборъ для поклоненія тѣлу своего почившаго Архипастыря... На слѣдующій день, 5 февраля, въ обычное время въ Каѳедральномъ соборѣ была совершена заупокойная Божественная Литургія преосвященнѣйшимъ Агаѳангеломъ, епископомъ Киренскимъ, въ сослуженіи съ монашествующею братією Вознесенскаго Святителя Иннокентія монастыря, при стройномъ и умилительномъ пѣніи хора монастырскихъ пѣвчихъ и при многочисленном стеченіи народа, собравшагося помолиться о упокоеніи въ обителяхъ небесныхъ души новопреставленнаго Архипастыря, — а послѣ Литургіи была отправлена торжественная панихида. Начавшееся вслѣдъ затѣмъ служеніе частныхъ панихидъ, по желанію и просьбѣ частныхъ лицъ, непрерывалось, до пяти часовъ вечера, — т. е. до самаго начала всенощнаго бдѣнія, которое въ

этотъ день, наканунѣ погребенія почившаго владыки, было съ особенною торжественностію, по особому, принятому въ Кіево-Печерской лаврѣ, чину отправлено самимъ преосвященнѣйшимъ Макаріемъ, епископомъ Селенгинскимъ, въ сослуженіи ректора Духовной Семинаріи архимандрита Никодима, помощника начальника Забайкальской миссіи архимандрита Димитрія, кафедральнаго протоіерея, ключаря Красноярскаго кафедральнаго собора протоіерея Михаила Солодчина, прибывшаго въ Иркутскъ со святыми мощами и св. муромъ для Иркутской, Якутской и Камчатской епархій, духовника почившаго владыки, секретаря его канцеляріи и нѣкоторыхъ другихъ городскихъ и сельскихъ протоіеревъ и священниковъ, — при многочисленномъ стеченіи народа и при стройномъ и умильномъ пѣніи архіерейскихъ пѣвчихъ... Наступило и 6 февраля — день погребенія нашего дорогаго и незабвеннаго маститаго Архипастыря!... Начавшійся въ 9-ть часовъ утра звонъ на соборной колокольнѣ призывалъ иркутянъ воздать послѣдній христіанскій долгъ своему любимому владыкѣ; но еще за долго до звона иркутяне, безгранично любившіе и уважавшіе своего Архипастыря, цѣлыми массами направлялись къ Кафедральному Собору, такъ что къ 9-ти часамъ переполнили не только помѣстительный Кафедральный Соборъ, но и всю обширную площадь близъ Собора, на берегу Ангары. Въ 9½ часовъ прибыли въ Соборъ преосвященнѣйшій Макарій и преосвященнѣйшій Агафангелъ и, по обычной архіерейской встрѣчѣ, началась Божественная Литургія, которую совершали въ этотъ день оба Архипастыря, въ сослуженіи рек-

тора Духовной Семинаріи архимандрита Никодима, помощника начальника Забайкальской миссіи архимандрита Димитрія, начальника противораскольнической Забайкальской миссіи и настоятеля Троицкаго Селенгинскаго монастыря, архимандрита Ириварха, только наканунѣ нарочито прибывшаго изъ—за Забайкала къ погребенію владыки, кафедральнаго протоіерея А. Виноградова, членовъ Консисторіи—протоіереевъ: Григорія Можарова, Иннокентія Шастина и Григорія Шергина, ключаря Красноярскаго Кафедральнаго Собора, протоіерея Михаила Солодчина, протоіерея села Творогова Забайкальской области І. Громова, духовника почившаго Архипастыря священника Павла Итимскаго, секретаря его канцеляріи, священника Иннокентія Сотникова и соборнаго священника Николая Дебрскаго, при чемъ на правомъ клиросѣ пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, а на лѣвомъ хоръ семинарскихъ пѣвчихъ. За Литургіею и послѣдовавшимъ затѣмъ отиѣваніемъ почившаго Архипастыря присутствовали: г. главный начальникъ края, Иркутскій генераль-губернаторъ Александръ Дмитріевичъ Горемыкинъ, г. начальникъ губерніи съ супругою, г. городской голова съ супругою, представители гражданской и военной власти, представители городского общественнаго самоуправленія, начальники всѣхъ учебныхъ свѣтскихъ мужскихъ и начальницы женскихъ учебныхъ заведеній, а также въ полномъ составѣ воспитанники мѣстной Духовной Семинаріи во главѣ съ г. инспекторомъ и преподавателями Семинаріи, воспитанницы женскаго училища духовнаго вѣдомства во главѣ съ г. начальницею и воспитательницами учи-

лица, ученики мужскаго духовнаго училища во главѣ съ г. смотрителемъ, помощникомъ смотрителя и преподавателями училища, монахини Иркутскаго Знаменскаго женскаго монастыря во главѣ съ казначеею монастыря и множество посторонняго народа, буквально переполнившаго помѣстительный Кафедральный Соборъ. За Литургіею и во время отпѣванія два діакона въ стихаряхъ съ перепоясанными орарями держали надъ изголовьемъ почившаго Архипастыря ришиды, а четыре воспитанника Духовной Семинаріи, по сторонамъ гроба держали: два воспитанника старшихъ классовъ дикирій и трикирій съ возженными свѣчами, а два воспитанника младшихъ классовъ посохъ и свѣчу, обычныя предношенія при служеніи почившаго Архипастыря. Всѣ пѣснопѣнія Божественной Литургіи, благодаря заботливости о. регента архіерейскаго хора, были исполнены съ особеннымъ искусствомъ, тщательностію и задушевностію, и при томъ были поставлены пѣснопѣнія тѣхъ композиторовъ, слушать которыхъ особенно любилъ при своемъ служеніи почившій Архипастырь. За Литургіею, во время запричастнаго стиха, послѣ прекрасно и трогательно прошѣтой архіерейскими пѣвчими стихиры „плачу и рыдаю,“ — отецъ ректоръ Духовной Семинаріи архимандритъ Никодимъ, прерывающимся, подъ тяжестію переживаемой имъ въ лицѣ безгранично имъ чтимаго и любимаго Архипастыря тяжелой утраты, голосомъ произнесъ слѣдующее, глубоко прочувствованное и вызвавшее обильныя слезы не только у самого оратора, но и у многихъ, присутствовавшихъ за Литургіею, слово:

„Нынѣ отпушаеши раба
Твоего, Владыко, по глаголу
Твоему съ миромъ“! (Луки 2,
29).

Такъ въ благоговѣйномъ умиленіи сердца взывалъ праведный старецъ Сумеонъ, принявшій въ свои старческія объятія утѣху Израилеву, свободителя душъ нашихъ. Съ такимъ спокойствіемъ духа, съ такимъ невозмутимымъ равнодушіемъ ко всему земному, съ такою твердою вѣрою въ будущую загробную жизнь и съ такимъ отраднымъ упованіемъ милосердія Божія на страшномъ и праведномъ судѣ Его взиралъ онъ на кончину свою: „нынѣ отпушаеши раба Твоего Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ“! (Луки 2, 29).

Дивное и поучительное совпаденіе обстоятельствъ! — Въ Бозѣ почившій, всѣми любимый и нынѣ горько оплакиваемый, приснопамятный и достославный святитель Иркутскія паствы, высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Веніаминъ срѣтаетъ свою кончину въ день Срѣтенія Господня и почти съ тѣми же словами, какъ праведный Богопріимецъ: „благодарю Бога моего за то, что Онъ посылаетъ мнѣ такую безболѣзненную и мирную кончину“. Эти слова, произнесенныя почившимъ нашимъ Архипастыремъ при первомъ приступѣ болѣзни, сложившей его въ могилу, и затѣмъ, нѣсколь-ко разъ повторяемыя имъ во время его непродолжительной болѣзни, — ясно свидѣтельствуютъ, съ какимъ душевнымъ настроеніемъ онъ смотрѣлъ прямо въ глаза жестокой и неумолимой смерти, уже занесшей надъ его архипастырскою главою свою косу и своею холод-

ною рукою охватившей его цвѣтущее здоровьемъ тѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что они дышали твердою вѣрою во всеблагую и премудрый Промыслъ Божій, дающій намъ жизнь, дыханіе и вся; непостыдною надеждою неосужденно предстать предъ престоломъ праведнаго и нелицепріятнаго Судіи—Бога и отраднымъ упованіемъ сподобитися услышати оный блаженный гласъ Господа: „рабе благій и вѣрный, вниди въ радость Господа Твоего“! (Матѳ. 25, 21). Эти слова, нѣсколько разъ слышанныя многими, окружавшими болѣзненный и смертный одръ почившаго Архипастыря, съ одной стороны, напоминали имъ о всегдашней его готовности встрѣтить истинно христіански день смерти, а съ другой,—неволью наводили на вопросъ о томъ, въ чемъ заключается причина такой безбоязненной и мирной кончины?!... По разсужденію человѣческому, мы привыкли, обыкновенно, страшиться часа смертнаго и, при появленіи смерти за плечами нашими, нерѣдко какъ бы спрашивать ее, зачѣмъ она появилась такъ рано, когда намъ хотѣлось бы и еще пожить. А здѣсь, на оборотъ, полная готовность встрѣтить ее съ благодареніемъ Господу Богу, призывающему къ Себѣ почившаго; гдѣ же причина сего?! Вѣруемъ и исповѣдуемъ, что причина сего лежитъ въ непреложномъ божественномъ обѣтованіи, что „праведникъ, аще постигнетъ скончаться, въ покои будетъ... (Премуд. Сол. 4, 7), что души праведныхъ въ руцѣ Божіей и не прикоснется ихъ мука“ (Премуд. Сол. 3, 1). Да и вся жизнь почившаго Архипастыря, съ самой ранней молодости до послѣднихъ дней, равно какъ и дѣятельность его во

всякомъ званіи, въ какое онъ званъ былъ въ разные періоды своей жизни,—по характеру и направленію своему, были не ежедневнымъ только, но и ежечаснымъ приготовленіемъ къ часу смертному... Да прости мнѣ твое смиреніе, благостнѣйшій и смиреннѣйшій святителю Христовъ, если мое немощное слово попытается, насколько сможетъ, охарактеризовать твою жизнь и архипастырскую дѣятельность за весь періодъ твоего некратнаго житія здѣсь на землѣ *). Сознаю, что мое слабое слово не въ силахъ восхвалити тѣ по достоинству, у меня не достанетъ красокъ, чтобы нарисовать твой свѣтлый и незабвенный образъ; а потому не для похвалъ тебѣ будетъ вѣщать мое скудное слово о тебѣ: ты не любишь похвалъ и при жизни своей, не желалъ ихъ при послѣднемъ твоёмъ издыханіи и, по исходѣ отъ насъ, не имѣешь нужды въ нихъ, предстоя нынѣ престолу Господа Славы и сподобляясь того неплѣннаго вѣнца, который уготовлялся тебѣ праведнымъ Судією! Прости мнѣ, владыко святой, не для восхваленія твоего, а для нашего собственнаго назиданія рисуется безцѣнный для насъ образъ твоей благочестивой души!

Въ Бозѣ почившій высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Веніаминъ, въ мірѣ Василій Антоновичъ Благонравовъ, еще въ ранней молодости, будучи студентомъ Академіи, какъ сынъ благочестивыхъ родителей, возжелалъ покинуть заманчивыя и обманчивыя прелести сего бреннаго и суетнаго міра, пріявши образъ ангельскаго житія, и, находясь подъ руководствомъ извѣ-

*) Почившій Архипастырскій скончался на 68 году своей жизни.

стнаго своею старческою опытностію, нынѣ тоже въ Бозѣ почившаго, преосвященнѣйшаго Серафима*), старался возгрѣвать въ себѣ тѣ дары, яже къ животу и благочестію, которыхъ онъ сподобился въ воспріятіи иноческаго чина и первыхъ степеней священства. Определенный затѣмъ бакалавромъ своей „alma mater“ — Казанской Духовной Академіи, почившій Архипастырѣ и въ своей частной жизни и въ преподавательской дѣятельности проводилъ ту непреложную истину, что благочестіе на все полезно, обѣтованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго» (I Тим. 4, 8). Тотъ же характеръ его дѣятельности сохранился во всей своей чистотѣ и тогда, когда онъ былъ поставленъ руководителемъ и воспитателемъ юношества, въ качествѣ ректора вновь открытой Томской Духовной Семинаріи. Твердо вѣруя, что благочестіе всегда полезно, онъ и здѣсь заботился прежде всего объ удовлетвореніи религіозно-нравственныхъ потребностей какъ своихъ питомцевъ, такъ и своихъ собственныхъ, устроивши въ Семинаріи благолѣпный храмъ Божій, учредивши ежедневное въ немъ богослуженіе и общеніемъ со Христомъ въ таинствѣ Евхаристіи приуготовляя себя и другихъ къ непостыдной кончинѣ. А удостоившись епископскаго сана, онъ съ жезломъ первосвятителя Иркутской паствы святителя Иннокентія въ лѣвой, — а со св. Крестомъ и Евангеліемъ въ правой рукѣ, какъ епископъ миссіонеръ, прошелъ, нося въ себѣ и съ собою обильные дары божественной благодати, всю обширную Сибирь, — отъ Иркутска чрезъ Камчатку до Японіи и Сахалина и обратно

*) Бывшій епископъ Самарскій.

до Иркутска, гдѣ и обрѣлъ себѣ мѣсто упокоенія, всюду насаждая вѣру и благочестіе и пася каждое, ввѣряемое ему духовное стадо словесныхъ овецъ, не нуждею, но волею, и не скверными прибытки, но образомъ являясь вѣрнымъ словомъ, житіемъ, вѣрою, любовію, чистотою (I Тим. 4, 12). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ служенія, во всякомъ званіи, —отличительною чертою почившаго святителя было —его христіанское молитвенное желаніе сподобиться мирной и непостыдной христіанской кончины и предстать неосужденно предъ Судомъ Христовымъ, а отсюда естественно забота его о томъ, что прежде всего поставляетъ предъ Богомъ, что очищаетъ и приближаетъ къ Богу, а потому онъ во всякое время своей жизни былъ готовъ сказать вмѣстѣ съ Апостоломъ: „теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ (2 Тим. 4, 7), и теперь мнѣ еже умерети приобрѣтеніе“ (Филип. 1, 21). Другою, не менѣе отличительною чертою его христіанской благочестивой души было, по заповѣди Великаго Пастыреначальника, милосердіе къ бѣднымъ и нищимъ. „Блаженни милостивіи яко тѣи помиловани будутъ“ (Матѣ. 5, 7), это непреложное Божественное обѣтованіе всегда и вездѣ служило для почившаго Архипастыря побужденіемъ къ тому, что онъ алчущаго питалъ, жаждущаго поилъ, нагаго одѣвалъ, больнаго и въ темницѣ сущаго посѣщалъ, страждущаго утѣшалъ, былъ всѣмъ вся и ко-емуждо по его потребѣ! Нужно было быть очевидцемъ, чтобы понимать ту сердечную скорбь, которую испытывалъ почившій святитель, когда, видя крайнюю нужду, горькое и безпріютное сиротство, тяжелыя страданія, онъ не имѣлъ, чѣмъ помочь несчастнымъ, облегчить ихъ

страданія! Стоило только посѣтить жилище почившаго Архипастыря, чтобы видѣть, сколько несчастныхъ, горькихъ и безпріютныхъ вдовъ и сиротъ, бѣдныхъ и нищихъ обращалось къ нему съ просьбами о милостыни „Христа ради“,— сколько протягивалось рукъ о помощи! Не забылъ меньшую братію Христову вѣрный рабъ Христовъ и предъ исходомъ своимъ изъ сего суетнаго міра, завѣщавши окружающимъ его смертный одръ напитать ихъ въ день его погребенія!.... И праведный мздовоздаятель Господь нашъ Іисусъ Христосъ воздалъ вѣрному рабу своему по дѣломъ его. „Понеже сотворилъ единому отъ малыхъ сихъ, говоритъ Онъ почившему, мнѣ сотворилъ; види въ радость Господа своего“, и даруетъ ему христіанскую, безболѣзненную, неостыдную и мирную кончину! Прозорливо предчувствуя приближеніе смерти, почившій Архипастырь, душа котораго уже готовилась предстать предъ Господомъ, спѣшитъ снова соединиться со Христомъ въ тѣсномъ общеніи съ Нимъ въ таинствахъ св. Причащенія, сподобляясь его ежедневно, и святаго Елеосвященія, и, тако предуготованный, предаетъ мирно почившій духъ свой въ руцѣ Господа, срѣтившаго его, съ пресущимъ душѣ праведнаго Богопріимца Сумеона спокойствіемъ: „Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ“. (Луки 2, 29). „Благодарю Бога моего за то, что посылаетъ мнѣ такую безболѣзненную и мирную кончину“!

Гряди же съ миромъ, нашъ любвеобильнѣйшій и незабвенный Архипастырь и отецъ, въ тѣ небесныя обители, которыя уготованы тебѣ отъ праведнаго Судіи

всѣхъ Бога; гряди и, представши у престола Господа Славы, своими святительскими всемошными молитвами испроси у великаго Архіерея, прошедшаго небеса, дабы живущій въ тебѣ духъ вѣры, благочестія и христіанскаго милосердія не изсякалъ въ насъ, осиротѣвшихъ чадахъ твоихъ; буди за насъ предстатель не только во время нашего сего земнаго скитальчества, но во исходѣ и по исходѣ нашемъ изъ сего временнаго и грѣшнаго житія! Вѣруемъ и уповаемъ, что твои пламенные о насъ святительскія молитвы всесильны избавить насъ отъ грядущаго огня геенскаго!

А мы, твои благодарные, хотя и недостойные, чада, твердо памятуя и свято сохраняя твои предсмертныя желанія, будемъ молить Всеблагаго Господа, да приметъ Онъ твою благочестивую душу въ райскія обители, да вселитъ ее въ мѣстѣ свѣтлѣ, мѣстѣ злчнѣ, мѣстѣ покойнѣ, и едиными устами и единымъ сердцемъ будемъ звать Ему выну, до послѣдняго нашего издыханія: „Сосвѣтлыми упокой, Христе, душу раба твоего новопреставленнаго преосвященнѣйшаго архіепископа Веніамина, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная“! (Кондакъ) Аминь.

(Продолженіе послѣдуетъ).

Высокопреосвященнѣйшій Веніаминъ, Архі- епископъ Иркутскій и Нерчинскій.

(Продолженіе *).

Къ концу Божественной Литургіи въ Каѳедральный Соборъ собралось не только все городское духовенство, но и множество сельскихъ священниковъ, пожелавшихъ принять участіе въ отпѣваніи своего дорогаго почившаго Архипастыря. Послѣ Литургіи, для совершенія чина отпѣванія, на средину храма вышли и окружили гробъ почившаго владыки, во главѣ съ преосвященнѣйшимъ Макаріемъ и преосвященнѣйшимъ Агаѳангеломъ, три архимандрита и всѣ протоіереи и священники, участвовавшіе въ совершеніи Божественной заупокойной Литургіи, а равно всѣ протоіереи и священники, прибывшіе въ Соборъ къ концу Литургіи. Предъ началомъ отпѣванія, помощникъ благочиннаго градо-Иркутскихъ

* См. № 13-й. Епарх. Вѣдомостей 1892 г.

церквей, преподаватель монголо-бурятскаго языка въ мѣстной Духовной Семинаріи и священникъ градской Успенской церкви о. Василій Копыловъ произнесъ слѣдующую прочувствованную рѣчь:

Блажени мертви, умирающіе о Господѣ отнынѣ. Ей, глаголетъ Духъ, да почиетъ отъ трудовъ своихъ; дѣла бо ихъ ходятъ во слѣдъ съ ними.

(Апок. 14, 13.)

Почилъ о Господѣ нашъ высокоуважаемый Архипастырь; замолкло его вѣщее слово, охладѣло его любвеобильное сердце; *почилъ въ малъ исполни лѣтъ многа*, а потому отнесемъ къ нему слова Духа Божія: „да почиетъ отъ трудовъ своихъ.“

Велико и многотрудно служеніе архипастырское.

Велико, потому что Архипастырь есть посредникъ между Богомъ и людьми, онъ руководитель и наставникъ и пастырей и пасомыхъ. Многотрудно, ибо онъ, по заповѣди Апостола, долженъ быть *всѣмъ вся, дабы всяко нѣкья спасти*. Мудрено быть отцомъ такого многочисленнаго семейства. Отдавать все свое время жизни обществу, ежедневно съ утра до вечера быть окруженнымъ народомъ и почти не принадлежать себѣ. Что можетъ быть труднѣе этого! Но особенно многотрудно было твое почти 30 лѣтнее служеніе, почившій Архипастырь, въ нашей отдаленной и непривѣтливой Сибири, странѣ обширной по своему пространству, суровой по климату и разнохарактерной по своему народонаселенію. Сибирь—это обширная нива, гдѣ съ конца XVI вѣка насаждалась православная вѣра,

открыла необозримое поле для твоей Архипастырской дѣятельности. Ты полюбилъ ее, сроднился съ нею и посвятилъ ей всѣ силы, все время своего архипастырскаго служенія. Забайкальская область, епархіи Камчатская и Иркутская преемственно испытали благодѣянія твоей отеческой любви, назидательнаго слова и высокаго примѣра истиннаго христіанскаго благочестія. Твое почти 30 лѣтнее служеніе здѣсь, среди трудовъ и подвиговъ, направленныхъ ко благу церкви и отечества, въ эпоху минувшаго царствованія, богатаго преобразованіями во всѣхъ областяхъ русской жизни, останется на долго въ памяти потомства и займетъ блестящія страницы въ лѣтописяхъ Сибири.

По волѣ всеблагаго Промысла Божія, ты первый былъ посланъ въ высокомъ санѣ святителя за-Байкаль — „въ эту безотрадную страну тьмы и сѣни смертной,“ съ проповѣдію Евангелія коснѣющимъ тамъ во мракѣ грубаго невѣжества и идолопоклонства язычникамъ. Не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, на грубость и фанатизмъ крѣпко организованнаго язычества, ты, почившій нашъ Архипастырь, проникнутый любовію къ распространенію истинной вѣры Христовой, приложилъ всѣ замѣчательныя качества ума и сердца къ исполненію своего миссіонерскаго служенія и въ шестилѣтній періодъ своего архипастырскаго служенія за-Байкаломъ положилъ прочное начало Забайкальской миссіи, устроилъ одиннадцать миссіонерскихъ становъ, основалъ школы для обученія инородческихъ дѣтей и пріобрѣлъ для вѣры и церкви Христовой до 3000 человекъ. Пріобрѣтеніе великое, если

судить по тѣмъ трудностямъ, которыя нужно было преодолѣть при упорной борьбѣ не противъ плоти и крови, но противъ міродержителя тьмы вѣка сего и духовъ злобы поднебесныхъ, которые не выпускали ни одной души изъ подъ своей власти, не усложнивъ трудностей проповѣдникамъ вѣры Христовой.

Будучи продолжителемъ апостольскихъ трудовъ перваго проповѣдника вѣры Христовой во языцѣхъ монгольскихъ, ты, доблестный Архипастырѣ, съ назначеніемъ на самостоятельную кафедру епископа Камчатскаго, сдѣлался преемникомъ другаго, не менѣе славнаго апостола язычниковъ, высокопреосвященнѣйшаго митрополита Иннокентія.

Въ Камчатской епархіи среди неустанныхъ трудовъ въ дѣлѣ проповѣди Евангельской ты обращалъ свое заботливое вниманіе не только на православныхъ чадъ церкви Христовой, но и на жалкихъ язычниковъ Амурскаго края и отдаленной Японіи.

Но особенно благотворно было долговременное служеніе почившаго Архипастыря въ Иркутской епархіи. При своей обширности, Иркутская епархіа нуждалась особенно въ построеніи храмовъ Божіихъ. Недостаточность храмовъ, бѣдность внутренняго устройства нѣкоторыхъ изъ нихъ, не могли не тревожить сердце заботливаго Архипастыря. Благодаря его неустанной заботливости, открыто много новыхъ приходовъ, построены сотни приписныхъ храмовъ и молитвенныхъ домовъ, которые служатъ теперь мѣстомъ молитвеннаго утѣшенія и духовнаго общенія для безчисленнаго множества сельскихъ простолюдинъ. Говорить-ли здѣсь

о тѣхъ трудахъ и невзгодахъ, которые претерпѣвалъ почившій Архипастырѣ при ежегодныхъ поѣздкахъ для обозрѣнія своей обширной епархіи? Проѣхать сто-верстныя пространства по нашимъ сибирскимъ захо-лустьямъ, встрѣчая всевозможныя неудобства по про-селочнымъ дорогамъ, каждодневно говорить импрови-заціи передъ сотнями народа: все это требуетъ нео-быкновеннаго напряженія умственныхъ и нравственныхъ силъ. Говорить и въ то-же время чувствовать, что каждое слово ловить тысячная толпа, къ которой нуж-но примѣниться, чтобы она все сказанное могла понять и уяснить, это такой умственный трудъ, который мо-гутъ понять и оцѣнить только люди, сами упражняв-шіеся въ подобныхъ дѣлахъ. Подобныя рѣчи, произне-сенныя по вдохновенію минуты, не результатъ только силъ и знанія, — нѣтъ, онѣ вытекаютъ прямо изъ сердца и потому дышатъ чистою любовію. Этимъ объясняется ихъ задушевная простота, богатое разнообразіе, силь-ное впечатлѣніе на слушателей и то уваженіе народа, доходившее до благоговѣнія къ Архипастырю.

Но что сказать еще о неусыпныхъ заботахъ Ар-хипастыря, о его попеченіи относительно обезпеченія горькой участи бѣдныхъ вдовъ и сиротъ, о его стара-ніяхъ увеличить попечительскій капиталъ и давать дос-таточныя пособія нуждающимся бѣднякамъ. Но слиш-комъ долго было бы перечислять всѣ заслуги, труды и подвиги любвеобильнаго Архипастыря. Его жизнь говоритъ сама за себя. Скажемъ еще нѣсколько словъ о трудахъ его административнаго управленія. Въ дѣлахъ епархіальнаго служенія святитель прежде всего искалъ

строгой правды и принялъ за правило назначать на лучшія мѣста служенія людей достойнѣйшихъ, открывать болѣе широкое поприще для лицъ, болѣе образованныхъ и способныхъ, отыскивать и награждать заслуги. Ни одно доброе дѣло не забывалось имъ, ни одна заслуга не оставалась безъ награды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сердце его было открыто всѣмъ благороднѣйшимъ чувствамъ любви и состраданія. Сколько жертвъ принесено святителемъ въ облегченіе бѣдности и въ помощь воспитанію. Кто не знаетъ о безчисленныхъ дѣлахъ его милосердія, которыя уподобляли его великимъ подвижникамъ святой церкви. Его милосердію и благотворительности не было предѣловъ. Одинъ взглядъ на нищаго поражалъ его доброе сердце. Зная его любовь и состраданіе, почти каждый день десятки бѣдныхъ стояли у дверей его пріемной и онъ самъ выходилъ для раздачи подаяній просящимъ.

Но всего обаятельнѣе дѣйствовало на паству, — это его кротость и доступность для всѣхъ. Среди самыхъ разнообразныхъ занятій, онъ находилъ время радушно принимать всѣхъ и cadaго изъ приходившихъ къ нему, ко всѣмъ былъ привѣтливъ, сердеченъ и снисходителенъ. Въ радости ли, въ горѣ — обращались къ нему; онъ былъ первымъ участникомъ, и во всякомъ случаю, или по службѣ посѣщавшемъ его, оставлялъ самое пріятное чувство.

При его привѣтливой рѣчи, ласковомъ обращеніи, забывалось различіе положеній и откровенно высказывались нужды, а мудрое слово Архипастыря сейчасъ же направляло мысль на самое существо дѣла и затруд-

дненія исчезали какъ бы сами собою. Эта привѣтливость и снисхожденіе успѣли привязать къ нему всѣхъ и cadaго, и свѣтлая личность владыки на долго сохранится въ памяти у всѣхъ, кто могъ узнать и оцѣнить его. Вотъ главнѣйшія твои дѣла и подвиги, дорогой и незабвенный нашъ Архипастырь, которые увѣковѣчатъ имя твое здѣсь на землѣ и предстанутъ свидѣтелями твоей архипастырской ревности у престола Божія на небѣ. Чего еще не достаетъ? Все совершено: подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе сконча, и вѣру соблюде,— прочее—уготовляется вѣнецъ правды, его же воздасть тебѣ праведный Судія въ день оный. До дне же онаго, ей, глаголетъ Духъ, да почишь ты отъ трудовъ твоихъ.

Прости, дорогой нашъ Архипастырь! Не для прославленія человѣческаго говорили мы о дѣлахъ твоихъ, но для того, чтобы болѣе возбудить себя къ молитвамъ о тебѣ и молитвами споспѣшествовать твоему восхожденію къ Отцу Небесному, Который да упокоитъ тебя во обителяхъ святыхъ. Прости и тѣмъ, которые проливаютъ безутѣшныя слезы о тебѣ. Это дань нашей немощной и слабой природы, это дань нашего сердца, это требованіе души, желающей выплакать свое горе.

Скоро холодная могила приметъ и заключитъ тебя въ своихъ объятіяхъ. Видимый союзъ, видимое общеніе прекратятся. Но есть другой союзъ, котораго смерть не прекращаетъ. Это союзъ любви, споспѣшествуемый молитвою вѣры, который не прекратится между нами отнынѣ и до вѣка. Аминь».

Послѣ этой рѣчи, произнесенной ораторомъ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія предъ почившимъ

Архипастыремъ, началось самое отпѣваніе по чину священническаго погребенія, при многочисленномъ стеченіи народа, пролившаго обильныя слезы предъ послѣднимъ цѣлованіемъ своего незабвеннаго владыки, безгранично любимаго Иркутскою паствою. Во время отпѣванія, по прочтеніи пятаго Евангелія, инспекторъ Иркутской Духовной Семинаріи, коллежскій совѣтникъ Иванъ Л. Брызгаловъ произнесъ при гробѣ почившаго, прерывающимся отъ волненія голосомъ, слѣдующую глубоко прочувствованную рѣчь, въ которой яркими и мѣткими красками нарисовалъ свѣтлый образъ почившаго Архипастыря, какъ доблестнаго и неутомимаго ратоборца за православіе и русскую народность на далекихъ окраинахъ обширнаго отечества нашего, — любившаго Сибирь, какъ свою вторую родину:

„На страницахъ исторіи нашего отечества православные іерархи являются не только истинными христіанскими пастырями, но и пламенными патріотами, передовыми людьми, лучше другихъ понимавшими и народный духъ и государственныя задачи. И ты, почившій Архипастырь, былъ истинно русскій святитель, съ самоотверженнымъ служеніемъ дѣлу Христову соединившій горячій патріотизмъ, глубокое пониманіе интересовъ русскаго народа и дальновидность государственнаго человѣка. Волею Божіею поставленный на поприще своей дѣятельности сюда, въ полуинородческую Восточную Сибирь, ты съ истинно-русской точки зрѣнія ясно опредѣлилъ свою задачу. Ты тридцать лѣтъ проводилъ въ жизни свое твердое убѣжденіе, что быть

русскимъ, значить, прежде всего, быть православнымъ христіаниномъ, и чтобы инородцы Сибири сдѣлались настоящими дѣтьми русскаго отечества, для этого имъ необходимо прежде всего стать православными. Ты всегда прямо и открыто заявлялъ, что этого требуютъ самые дорогіе интересы отечества, что къ этому должны быть направлены всѣ усилія не только церкви, но и правительственной власти и всего русскаго общества. Ты ставилъ великую задачу! И нынѣ, послѣ безчисленныхъ подъятыхъ тобою трудовъ, послѣ многолѣтнихъ усилій, далека отъ осуществленія твоя завѣтная мысль — видѣть все населеніе Сибири христіанскимъ. И нынѣ еще распространено въ образованномъ обществѣ странное для христіанина и русскаго человѣка мнѣніе, что гуманность требуетъ сохраненія племенныхъ особенностей инородцевъ, сохраненія и развитія оригинальныхъ началъ ихъ жизни, въ томъ числѣ религиозныхъ языческихъ вѣрованій. А какъ мало это общество сочувствовало твоимъ идеямъ въ началѣ твоей просвѣтительной дѣятельности!... Какое равнодушіе къ христіанству, какое полное непониманіе государственныхъ русскихъ задачъ господствовало тогда въ немъ. Даже представители высшей правительственной власти въ Сибири содѣйствовали распространенію и укрѣпленію среди инородцевъ ламаизма и магометанства, или даже, находя христіанскую религію слишкомъ высокой для некультурнаго человѣка, составляли свои проекты религиозныхъ системъ.

Какъ отъ этого долженъ былъ страдать ты, православный Архипастырь! Какъ глубока была твоя

скорбь истиннаго христіанина! Какъ оскорблялось твое патріотическое чувство! Какъ сильно Тебя мучило сознаніе, что труднѣе и важнѣе борьба съ предрасудками русскихъ образованныхъ людей, чѣмъ борьба съ языческими суевѣріями инородцевъ!...

Но крѣпка была твоя вѣра въ торжество истины и ты обезпечилъ его. Своею кротостію, своею любовію ты привлекъ къ себѣ духовенство, ты поднялъ его духъ, сообщилъ ему увѣренность, защищалъ его всѣми силами отъ всякихъ притязаній и нареканій, несправедливости и клеветы, постоянно ради этого рискуя своимъ собственнымъ спокойствіемъ. И здѣсь, въ средѣ духовенства, ты нашелъ людей, искренне тебѣ сочувствующихъ, помощниковъ—глубоко тебѣ преданныхъ.

Еще болѣе обезпечилъ ты свѣтлое будущее, обративъ особенное вниманіе на нашу школу, на Духовную Семинарію. Здѣсь росли и растутъ тѣ силы, при помощи которыхъ ты проводилъ въ жизнь свои убѣжденія, осуществлялъ свои предназначенія. И ты неукоснительно стремился къ тому, чтобъ эти силы получали лучшее направленіе, являлись болѣе подготовленными къ трудной и сложной дѣятельности на поприщѣ христіанскаго просвѣщенія и православнаго народа и язычниковъ.

Сблизить школу съ жизнію, приспособить первую къ требованіямъ послѣдней, — вотъ чего особенно желалъ ты по отношенію къ нашей Семинаріи. Съ какимъ сочувствіемъ отнесся ты къ послѣдней реформѣ Устава Семинарскаго, значительно сократившаго число уроковъ

классическихъ языковъ, чтобы, взявъ этого, расширить программы исторій русской литературы, православной церкви, раскола и другихъ богословско-практическихъ предметовъ. Въ этомъ направленіи ты видѣлъ залогъ прекраснаго будущаго духовной школы, въ этомъ направленіи и самъ ты старался сдѣлать все, что отъ тебя зависѣло. Кругъ наукъ семинарскаго курса у насъ въ Иркутскѣ, благодаря тебѣ, увеличился новыми предметами. Преподаваніе монголо-бурятскаго языка, ученія о шаманствѣ, ученія о буддизмѣ, медицины—сообщило нашей Семинаріи особый, можно сказать, мѣстный характеръ. Теперь наша Семинарія не только можетъ выполнить задачу, общую съ другими семинаріями—дать въ лицѣ своихъ воспитанниковъ людей просвѣщенныхъ и въ тоже время болѣе всего способныхъ удовлетворить потребностямъ простаго русскаго народа, воспитать въ одномъ лицѣ пастыря, учителя, врача, руководителя во всѣхъ дѣлахъ несложной сельской жизни,—она можетъ, кромѣ того, приготовить прямыхъ носителей твоихъ идей; людей готовыхъ на борьбу съ языческими заблужденіями. И какъ ты цѣнилъ это свое созданіе!.... Одною изъ послѣднихъ вещей, прочитанныхъ тобою, были сочиненія учениковъ Семинаріи по исторіи буддизма... А какъ ты берегъ эти молодыя силы, съ какой всепрощающей любовью Ты относился къ ученикамъ, объ этомъ знаютъ и засвидѣтельствуютъ они сами.

Неожиданно, рано, покинулъ ты насъ, любимый Архипастырь! И не съ сладкимъ сознаніемъ побѣдно-конченной борьбы скончался ты. Крѣпки сует-

вѣрїя въ темной массѣ народа, благодаря ея косности и невѣжеству; крѣпки предразсудки образованнаго общества, благодаря его индефферентному, холодному отношенію и къ религіознымъ вѣрованіямъ и къ патріотическимъ убѣжденіямъ. Но силенъ духъ вражды, который ты старался побѣдить своею любовью. Онъ отягощалъ и безъ того тяжелое бремя твоихъ апостольскихъ подвиговъ; онъ преслѣдовалъ тебя все время твоей дѣятельности; онъ проявлялся тамъ, гдѣ всего менѣе былъ уместенъ и ожидаемъ.... Ложь и клевета даже въ чашу послѣднихъ страданій твоихъ влила нѣсколько капель горькаго яда, Богъ знаетъ, быть можетъ сведшаго тебя въ могилу.

Но ты скончался, какъ истинный христіанинъ, съ спокойнымъ сознаніемъ исполненнаго долга, съ надеждой на вѣнецъ правды. Ты скончался съ утѣшительной увѣренностію въ побѣдѣ истины, которой ты такъ много послужилъ. Залогъ этой увѣренности—оставленные тобою дѣла, а болѣе всего наша школа, разсадникъ будущихъ дѣятелей на возрожденной тобою нивѣ.

Ты почилъ, незабвенный Архипастыръ, отъ всѣхъ дѣлъ своихъ. Прекратилась непрерывная напряженная работа мысли, остановилось полное христіанской вѣры и горячей любви къ отечеству твое сердце, у тебя нѣтъ болѣе земныхъ желаній. Но въ умахъ, тобою направленныхъ, твоя мысль будетъ жить, развиваться; въ сердцахъ, тебѣ преданныхъ, будутъ горѣть зажженные тобою чувства; воля твоя будетъ двигать созданныя тобою силы. Ты изъ гроба указываешь намъ путь, повелѣваешь слѣдовать твоимъ завѣтамъ, остаешься

нашимъ руководителемъ, Архипастыремъ. Здѣсь, предъ гробомъ твоимъ мы тебѣ повѣдаемъ единственное наше желаніе — оправдать твое довѣріе, свято сохранить твои завѣты и, на сколько хватитъ силы и возможности, осуществить твои надежды. Истину ихъ покажетъ будущее, оцѣнитъ исторія. А нынѣ, къ горячей молитвѣ о твоёмъ вѣчномъ упокоеніи, мы присоединимъ еще одну молитву: да не забываетъ Господь нашего дорогого отечества, да и впредь посылаетъ намъ благо ему архипастырей, подобныхъ тебѣ. Вѣчная память, великій патріотъ!...

А послѣ малой эктени по шестой пѣсни канона, предъ пѣніемъ „Со святыми упокой,“ протоіерей градо-Иркутской Благовѣщенской церкви о. Иннокентій Шастинъ, со свойственнымъ ему ораторскимъ искусствомъ, произнесъ слѣдующую, вызвавшую робильныя слезы у многихъ, присутствовавшихъ при отпѣваніи, рѣчь:

„Куда собрался ты, любвеобильнѣйшій нашъ Архипастырь, куда идешь ты такъ быстро, неожиданно! Зачѣмъ ты оставляешь врученную тебѣ Богомъ и преданную до глубины души паству? Въ состояніи ли мы выразить тѣ скорби, которыми ты поражаешь насъ? Зачѣмъ ты, такъ скоро, такъ неожиданно легъ во гробъ, который сей-часъ сокроетъ тебя отъ насъ навѣки?“

Знаемъ, дорогой нашъ Архипастырь, знаемъ, что этотъ удѣлъ для каждаго изъ насъ неизбежный. Семь-слишкомъ тысячъ лѣтъ прошло отъ паденія нашихъ прародителей, а грозный голосъ небесной истины до

сихъ поръ гремитъ надъ нами: *земля еси и въ землю отъидеши*. Знаемъ это и покоряемся, но зачѣмъ только преждевремененъ исходъ твой изъ сей жизни, и какъ тяжель онъ для искренно любящей тѣ паствы.

Тяжела была разлука съ тобою въ 1886 году, когда ты Высшею властію вызывался въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Тогда эта горькая вѣсть, какъ молнія, въ одинъ день облетѣла не только весь Иркутскъ, но проникла и за предѣлы града, и сколько она изсторгла горькихъ слезъ и сожалѣній. То была временная съ тобою разлука, хотя и тяжелая, но она растворялась нѣкоторою надеждою на скорое съ тобою свиданіе, тѣмъ болѣе, что отъ насъ не было сокрыто, что ты самъ приготовилъ здѣсь въ усыпальницѣ святителей мѣсто вѣчнаго упокоенія. Напутствовавъ тебя въ дальній путь нашими искренно душевными благожеланіями, мы молили Господа, да возвратитъ тебя искренно любящей паствѣ. Какою же радостію исполнилось сердце наше, когда мы опять узрѣли тебя, любвеобильнѣйшій нашъ Архипастырь, и кто же могъ взять эту радость отъ насъ?

Но судьбы Божіи неисповѣдимы. 2 февраля въ четыре часа утра величественный соборный колоколъ громко, но уныло повѣдалъ всѣмъ иркутянамъ, что дорогой и незабвенный Архипастырь нашъ высокопреосвященнѣйшій Веніаминъ—тихо, безболѣзненно отошелъ во иной путь, въ немже уготовася ему мѣсто вѣчнаго упокоенія. Онъ почилъ вѣчнымъ непробуднымъ сномъ, до тѣхъ поръ, пока ангелъ трубнымъ голосомъ не воззоветъ его въ послѣдній день.

Сколько нужно слезъ, чтобы оплакать тебя, любимѣйшій нашъ Архипастырѣ! Онѣ всюду льются, куда не пойдешь. Пойдите въ богатые и знатныя жилища, тамъ вы услышите плачь, рыданій и вопль; зайдите въ хижину бѣдняги, тамъ жгучая слеза рѣкою льется.

Встань, возлюбленный Архипастырѣ, встань и посмотри на ту любовь, которую приносить тебѣ оставляемая тобою осиротѣвшая паства. Встань и посмотри на эти слезы которые въ изобиліи льются при гробѣ твоёмъ; встань и убѣдись, что не только мы одни, но иноувѣрцы во множествѣ окружаютъ твой гробъ они пришли, чтобъ смѣшать свои слезы со слезами нашими и присоединятъ къ намъ свою молитву. Не только храмъ сей, даже синагога еврейская второй день наполняется народомъ и тамъ приносится молитва объ упокоеніи души твоей въ нѣдрахъ Авраама.

Не говорить ли все это краснорѣчивѣе всѣхъ нашихъ похвалъ о твоей пастырской жизни и христіанской любви? Не говорить ли это о томъ, какъ ты дорогъ былъ для всѣхъ и что потеряла въ твоёмъ лицѣ паства?

Но чѣмъ же мы воздадимъ тебѣ, незабвенный нашъ Архипастырѣ, за все, что ты воздалъ намъ? Единственною общою, усердною и неослабною о тебѣ молитвою къ Судіи всѣхъ Богу.

И такъ будемъ плакать и молиться всѣ и каждый; всѣхъ кто зналъ тебя, почившій добрый Архипастырѣ, ты побѣждалъ своею ангельскою простотою, своею любовію, своими милостями явными или тайными; съ кротостію и любовію ты училъ насъ кротости и любви.

И такъ будемъ молиться всѣ: молитесь вы, правители града сего: вы видѣли въ немъ истиннаго пастыря, мудраго совѣтника, опытнаго руководителя, пріятнаго собесѣдника. Принесите же вы усердную молитву объ упокоеніи души его.

Молитесь и вы, просвѣщенные наставники и наставницы, питомцы и питомицы: вы видѣли, съ какою любовію навѣщаль онъ учебныя заведенія, какое утѣшеніе находилъ онъ въ бесѣдахъ съ вами, какъ онъ слѣдилъ за направленіемъ ума и сердца, какъ онъ радовался вашею радостію. Истинно онъ былъ для васъ отцемъ и покровителемъ. Вознесите же и вы пламенную молитву объ упокоеніи любвеобильнѣйшаго Архипастыря, а молитва ваша, особенно молитва дѣтей, всегда доходитъ до Бога.

Молитесь и вы, добрые граждане: вы одинаково были близки сердцу его, съ любовію принималъ онъ всѣхъ васъ и каждаго, посѣщаль ваши жилища, неся всюду любовь и благословеніе. И какое приносилось утѣшеніе вашимъ семействамъ, съ какою радостію вы отзывались о такихъ его посѣщеніяхъ, какою любовію дышали всѣ его бесѣды. Вознесите и вы усердную молитву объ упокоеніи души добрѣйшаго нашего Архипастыря.

Молитесь и вы, сироты, лишившіяся своихъ родителей, нищіе и убогіе: вы были близки сердцу его, для васъ ежедневно простиралась десница его, все, что оставалось у него изъ содержанія, все раздѣлялось между вами. Любя васъ, онъ самъ испытывалъ всѣ нужды и лишенія, и помогая вамъ, онъ всегда говорилъ: „нагъ я пришелъ въ этотъ міръ, нагимъ и пойду изъ

него“. И какъ вѣрно было это слово Архипастыря; умирая, онъ не оставилъ ни золота, ни серебра, ни дорогихъ одеждъ, а оставилъ только дорогую и вѣчную о себѣ память. Напечатлѣйте это на сердцѣ вашемъ и вознесите слезную молитву объ упокоеніи души нищелюбца Архипастыря.

Еще только минуты раздѣляютъ тебя съ нами, дорогой нашъ Архипастырь, земля сокроетъ тебя навѣки отъ взоровъ нашихъ!

Прощай-же, нашъ добрый и незабвенный Архипастырь, прощай до радостнаго свиданія съ тобою. Благодарною о тебѣ памятію да будетъ усердная молитва о тебѣ, а теперь позволь намъ въ послѣдній разъ пропѣть тебѣ послѣднюю погребальную пѣснь, „*Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего*“).

Въ самомъ концѣ отпѣванія, предъ послѣднимъ прощаніемъ съ почившимъ Архипастыремъ, просто, но съ особенною теплотою чувствъ, наполнявшихъ юное и любвеобильное сердце молодаго оратора, воспитанникомъ VI класса Иркутской Духовной Семинаріи Яковомъ Черныхъ была сказана слѣдующая рѣчь:

„Увы!... Совершилось наконецъ то, чего мы такъ сильно страшились въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней!... Неумолимая и жестокая смерть, уносящая съ собою милліоны людей, похитила отъ насъ и тебя, дорогой нашъ Архипастырь и отецъ!

Со жгучею и невыразимою скорбію въ сердцѣ предстою теперь предъ твоимъ гробомъ, готовымъ уже сокрыть твой безцѣн-

*) По окончаніи рѣчи, пѣвчими пропѣтъ кондакъ: Со святыми упокой.

ный ликъ отъ взоровъ нашихъ, что можемъ сказать тебѣ, свя-
тителю Христовъ, предъ послѣднимъ сыновнимъ цѣлованіемъ?

Скорбь о твоёмъ отъ насъ отшествіи тяжело удручаетъ
сердце наше, тоска о разлукѣ съ тобою здѣсь — на землѣ не-
вольно налагаетъ печать молчанія на уста наши!...

И если, не смотря на это, мы все таки возвышаемъ
сейчасъ слабый голосъ свой, то возвышаемъ его не для пох-
валъ тебѣ: ты не нуждаешься въ нихъ, предстоя нынѣ пре-
столу Господа Славы и сподобляясь награды неувядаемая,
(пусть онѣ остаются въ тайникахъ сердца нашего). Мы же-
лаемъ, мы жаждемъ сказать тебѣ только наше послѣднее,
любобное и незабвенное: *благодаримъ!... прости!... бла-
гослови!...*

Мы не имѣли возможности сказать тебѣ этихъ словъ при
жизни твоей, мы не видѣли тебя въ предсмертные дни твои!...

Спѣшимъ же, хотя теперь, исполнить нашъ сыновній
долгъ, — спѣшимъ въ томъ упованіи, что духъ твой, невидимо
здѣсь съ нами присутствующій, внемлетъ и слышитъ слово
наше.

И такъ, прежде всего *благодаримъ тебя*, дорогой Архи-
пастырь и любвеобильнѣйшій отецъ!

Благодаримъ тебя за ту любовь, которою согрѣвалъ
и призрѣвалъ ты всѣхъ насъ. Твое любвеобильное сердце не
тѣсно вмѣщало и насъ, твоихъ недостойныхъ, но благодар-
ныхъ дѣтей. Среди множества дѣлъ епархіальныхъ, ты всегда
находилъ и время и возможность позаботиться и о нашей
«alma mater,» о ея нуждахъ и преуспѣяніи...

Благодаримъ тебя за всѣ труды, заботы, а можетъ
быть, и огорченія, какія привелось тебѣ подъять и понести
ради нашей пользы, ради нашего блага!...

Благодаримъ тебя и за ту отеческую простоту, съ которою обращался ты со всѣми нами; и за ту отеческую внимательность, которую ты проявлялъ къ нуждамъ каждаго изъ насъ; и за ту отеческую снисходительность, которую покрывалъ ты проступки наши.

Благодаримъ тебя, отецъ родной, за все это...—благодаримъ и смиренно просимъ тебя, незабвенный Архипастырь, *прости насъ!*

Прости, если чѣмъ либо прогнѣвляли тебя, чѣмъ либо оскорбляли доброе сердце твое!..

Прости, если мудрое и отеческое слово твое не всегда находило должный откликъ въ сердцахъ нашихъ; если, по разсѣянности или невнимательности, мы иногда оставляли его безъ исполненія!...

Прости насъ великодушно, если мы когда либо позволяли себѣ оскорбить славное имя твое не словомъ, но даже мыслию необдуманною!...

Впрочемъ, мы увѣрены, что ты простишь насъ и теперь, какъ не однажды прощалъ во время жизни твоей...

Еще одно слово, еще одна умиленная просьба къ тебѣ, любвеобильнѣйшій Архипастырь, отъ чадъ твоихъ:

Благослови всѣхъ насъ!

Благослови въ послѣдній разъ твоимъ святительскимъ благословеніемъ благостыннымъ!

Благослови! и этимъ утѣши скорбь нашу, облегчи печаль нашу; дай намъ силы съ покорностію Всевышнему перенести разлуку съ тобою!...

Благослови насъ, и чрезъ это благословеніе твое да сойдетъ на насъ Божественная благодать, немощная врачую-

щая; да подкрѣпляемые ею, преуспѣваемъ на лучшее и воз-
 можемъ исполнить все, чего хотѣлось тебѣ видѣть отъ каждаго
 изъ насъ!..

А мы,—мы что воздадимъ тебѣ за все, что ты воздалъ
 намъ?!

Для души твоей, предстоящей предъ праведнымъ Судією,
 теперь уже ничего не нужно, кромѣ молитвы!

И мы обѣщаемся отъ всего сердца молиться о тебѣ выну,
 во вся дни живота нашего....

Гряди же съ миромъ, благодѣйшій Архипастырь, къ
 мѣсту упокоенія твоего! За твою вѣру, за твою любовь уже
 давно соблюдается тебѣ отъ Божественнаго Пастыреначаль-
 ника нашего *«неувядаемый вѣнецъ славы»* (1 Петр. 5, 4)!

Иди же и вѣнчайся симъ вѣнцемъ правды!....

Вѣчная тебѣ память!... Благослови и прости!...

По окончаніи этой рѣчи, при стройномъ и умильтель-
 номъ пѣніи попеременно архіерейскими и семинарскими
 пѣвчими положенныхъ по чину погребенія стихирь, началось
 послѣднее прощаніе осиротѣвшей Иркутской паствы съ сво-
 имъ любимымъ Архипастыремъ, продолжавшееся болѣе часа,—
 такъ что выносъ тѣла почившаго владыки изъ Каѳедральнаго
 Собора послѣдовалъ около двухъ часовъ дня.

(Продолженіе послѣдуетъ.)

Высокопреосвященнѣйшій Веніаминъ, Архі- епископъ Иркутскій и Нерчинскій.

(Продолженіе *).

По окончаніи прощанія и по прочтеніи преосвященнѣйшимъ Макаріемъ разрѣшительной молитвы, гробъ съ тѣломъ почившаго Архипастыря былъ вмѣстѣ съ богатоукрашеннымъ катафалкомъ, на которомъ стоялъ гробъ владыки, поднятъ на рукахъ участвовавшими въ отпѣваніи архимандритами, протоіереями и священниками и, по выносѣ изъ храма, обнесенъ, по чину, вокругъ Каѳедральнаго Собора, при стройномъ и умирительномъ пѣніи архіерейскими и семинарскими пѣвчими ирмосовъ канона „Помощникъ и Покровитель“, при заунывномъ колокольномъ перезвонѣ во всѣхъ церквахъ города Иркутска и при многочисленномъ стеченіи иркутянъ, собравшихся воздать

послѣдній христіанскій долгъ своему любимому Архи-
 пастырю—проводить его до могилы; а затѣмъ перене-
 сеніе тѣла почившаго Архипастыря къ мѣсту вѣчнаго
 его упокоенія, къ предназначенной имъ лично могилѣ
 въ новопостроенномъ Каѳедральномъ Соборѣ, было со-
 вершено въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди процессіи
 шли представители Ремесленной Управы съ значками
 ремесленныхъ цеховъ,—за ними псаломщикъ въ сти-
 харѣ несъ фонарь съ возженною свѣчею, далѣе два
 діакона несли: одинъ запрестольный крестъ, а другой—
 икону Богоматери, при чемъ два псаломщика въ сти-
 харяхъ несли по сторонамъ двѣ хоругви. Въ слѣдъ
 затѣмъ, въ стройномъ порядкѣ, по четыре въ рядъ,
 шли воспитанники Духовнаго Училища и Духовной
 Семинаріи (маленькіе впереди), имѣя во главѣ инспек-
 тора Семинаріи, смотрителя училища и его помощника
 и свѣтскихъ преподавателей Семинаріи и Училища.
 Знаки отличія почившаго Архипастыря на четырехъ
 бархатныхъ малиноваго цвѣта подушкахъ были несены
 четверыма священниками;—по сторонамъ два псалом-
 щика въ стихаряхъ несли двѣ хоругви. Затѣмъ шли
 по четыре въ рядъ (по возрасту—маленькія впереди)
 воспитанницы Женскаго Училища духовнаго вѣдомства,
 имѣя во главѣ начальницу съ классными дамами Учи-
 лища. За воспитанницами Училища шель въ строй-
 номъ порядкѣ хоръ семинарскихъ пѣвчихъ съ пѣніемъ,
 по очереди съ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ, умили-
 тельныхъ ирмосовъ канона „*Помощникъ и Покрови-
 тель*“. За семинарскими пѣвчими была несена крышка
 гроба нѣсколькими священниками, причемъ по сторо-

намъ крышки ошли два діакона съ кадилами. Далѣ шествовалъ въ стройномъ порядкѣ (по возрасту и маленькіе впереди) въ парадныхъ кафтанахъ хоръ вархирейскихъ пѣвчихъ, — за которыми отецъ ректоръ Духовной Семинаріи архимандритъ Никодимъ несъ Святое Евангеліе, а по сторонамъ шли два иподіакона съ трикиріемъ и индикиріемъ; жлобукъ съ алмазнымъ крестомъ на немъ и четки почившаго Архипастыря были несены на маломъ омофорѣ іеродіакономъ Геннадіемъ, а митра, крестъ и панагія на большомъ омофорѣ протоіереемъ Сумеономъ Писаревымъ, а за ними шелъ жезлоносецъ въ стихарѣ, несшій жезлъ Архипастыря. Впереди гроба шли протоіереи, іеромонахи и священники, какъ городскіе, такъ и сельскіе, по парно, младшіе впереди, въ бѣлыхъ газетовыхъ облаченіяхъ; гробъ съ тѣломъ почившаго Архипастыря былъ несенъ на рукахъ помощникомъ начальника Забайкальской миссіи архимандритомъ Димитріемъ, а начальникомъ противораскольнической Забайкальской миссіи и настоятелемъ Троицкаго Селенгинскаго монастыря архимандритомъ Иринархомъ, каѳедральнымъ протоіереемъ А. Виноградовымъ, а прочіеіереями: Григоріемъ Можаровымъ, Иннокентіемъ Шастинымъ, Григоріемъ Шергинымъ, Стефаномъ и Благообразовымъ и многими другими протоіереями и священниками, причемъ два діакона несли по сторонамъ гроба рипиды, четыре старшихъ воспитанника Семинаріи въ стихаряхъ подсвѣчники съ возженными свѣчами, а почетные представители городского общественнаго самоуправленія несли надъ гробомъ на дровкахъ богатоукрашенный балдахинъ. За гробомъ слѣдовали:

временно управляющій епархіею преосвященнѣйшій
 Макарій, епископъ Селенгинскій, преосвященнѣйшій
 Агаѳангель, епископъ Киренскій, за ними два прото-
 діакона съ кадилами, — а равно г. главный начальникъ
 края генераль-лейтенантъ Александръ Дмитріевичъ
 Поремыкинъ, г. начальникъ губерніи, г. городской го-
 лова, представители гражданской и военной власти
 и представители городского общественного самоуправ-
 ленія. Во время перенесенія тѣла почившаго владыки,
 на обширной площади, простирающейся отъ стараго
 Каѳедральнаго Собора до новопостроеннаго, строй-
 ными рядами стояли воспитанники и воспитанницы всѣхъ
 свѣтскихъ многочисленныхъ среднихъ и высшихъ, муж-
 скихъ и женскихъ учебныхъ заведеній города Иркутска,
 имѣя во главѣ своихъ начальниковъ и начальницъ, вос-
 питателей и воспитательницъ; а за воспитанниками и
 воспитанницами учебныхъ заведеній, размѣстившимися
 около нарочито поставленныхъ на площади барьеровъ,
 нѣсколько тысячъ жителей города Иркутска и окре-
 стныхъ селеній буквально переполнили обширную со-
 борную площадь, проливая горькія и обильныя слезы
 при прощаніи съ своимъ дорогимъ Архипастыремъ, въ
 теченіи девятнадцатилѣтняго управленія Иркутскою
 епархіею проявлявшаго къ нимъ свою отеческую лю-
 бовь и расположеніе... Когда похоронная процессія
 приблизилась къ новому Каѳедральному Собору, — гробъ
 съ тѣломъ почившаго владыки былъ внесень въ усы-
 пальницу въ нижнемъ этажѣ Собора и, по совершеніи
 краткой заупокойной литіи, тѣло почившаго Архипа-
 стыря было преосвященнѣйшимъ Макаріемъ предано

земль. Предъ самымъ закрытіемъ гроба и опусканіемъ его въ заранѣе, по личному распоряженію почившаго владыки (въ августѣ 1891 года) приготовленную могилу, — усердный почитатель почившаго Архипастыря, староста Кафедральнаго Собора В. А. Литвинцевъ произнесъ нѣсколько простыхъ, но дышавшихъ теплотою и задушевностію словъ; а затѣмъ протодіакономъ Словцовскимъ была провозглашена вѣчная память почившему Архипастырю, и гробъ его былъ опущенъ въ могилу, причемъ во всѣхъ церквахъ города Иркутска былъ произведенъ звонъ во всѣ колокола, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока совершенно была закрыта скрывшая на вѣки отъ взоровъ иркутянъ безцѣнное тѣло ихъ дорогаго Архипастыря могила!... Долго затѣмъ народъ цѣлыми массами входилъ въ усыпальницу, чтобы поклониться праху почившаго Архипастыря и облобызывать свѣжую еще могилу его! Нужно было присутствовать при этомъ, чтобы видѣть тѣ горячія и обильныя слезы, которыя проливали иркутяне надъ могилою своего незабвеннаго любвеобильнѣйшаго Архипастыря, — чтобы понять ту великую скорбь, которую испытывалъ и переживалъ въ эти минуты каждый изъ нихъ! Видно было, что всѣ понесли въ лицѣ почившаго Архипастыря тяжелую и незамѣнимую утрату: — здѣсь плакали знатные и богатые, потерявшіе въ лицѣ почившаго Архипастыря мудраго совѣтника и собесѣдника, здѣсь же плакали подчиненные ему сотрудники его въ его просвѣтительной миссіонерской дѣятельности, потерявшіе въ его лицѣ доблестнаго руководителя и ратоборца; здѣсь же плакали воспитанники и воспи-

танницы духовно-учебныхъ заведеній съ своими начальниками, воспитателями и воспитательницами, потерявшія въ немъ своего любвеобильнѣйшаго, благостнѣйшаго и мудраго учителя, отца и Архипастыря; здѣсь же плакали мирные обитатели города Иркутска, потерявшіе въ его лицѣ украшеніе Иркутской кафедры, Архипастыря, вокругъ котораго во всякое время группировалось Иркутское общество, безъ различія пола и возраста, званій и состояній; здѣсь же плакали особенно тѣ безпріютныя и горькіе нищіе и бѣдныя вдовы и сироты, которыхъ щедро питалъ при жизни своей почившій Архипастырь, нерѣдко отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ; здѣсь же, наконецъ, плакали тѣ иновѣрцы, къ которымъ почившій владыка относился съ присущею ему христіанскою любовію и отеческимъ вниманіемъ!.. Царство небесное и вѣчный покой тебѣ, почившій владыко, доблестный ратоборецъ за православіе и русскую народность на далекихъ окраинахъ нашего дорогаго отечества, неутомимый труженикъ — миссіонеръ, смиреннѣйшій святитель, благостнѣйшій Архипастырь, мудрый администраторъ и любвеобильнѣйшій человѣкъ!..

(Окончаніе послѣдуетъ.)

Высокопреосвященнѣйшій Веніаминъ, Архі- епископъ Иркутскій и Нерчинскій.

(Окончаніе).

Неожиданная и, по суду человѣческому, преждевременная кончина первосвятителя Иркутской паствы, высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Веніамина, вызвала обильныя слезы не только у чады Иркутской паствы, безгранично любившей и высокочтившей своего Архипастыря, но и далеко за предѣлами ея. Изъ разныхъ концовъ не только обширной Сибири, но и Росіи было получено на имя преосвященнѣйшаго Макарія и другихъ лицъ нѣсколько телеграммъ, выражающихъ скорбь по случаю кончины Иркутскаго Архипастыря, которыя приводимъ здѣсь въ подлинникѣ:

1., Отъ преосвященнаго Дюнисія, епископа Уфимскаго и Мензелинскаго отъ 3 февраля с. г.:

«Печальная вѣсть о кончинѣ приснопамятнаго владыки жестоко поразила меня. Повергаюсь къ стопамъ его, завтра поемъ панихиду и вѣчную память».

2., Отъ преосвященнаго Тихона, епископа Енисейскаго и Красноярскаго отъ 3 февраля:

«Сибирь лишилась крупной духовной силы. Блганяюсь издали тѣлу почившаго, скорбимъ и молимся о немъ».

3., Отъ преосвященнаго Владимира, епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго отъ 3 февраля:

«Горе мнѣ! Скажите, когда погребеніе».

4., Отъ преосвященнаго Варсонофія, епископа Симбирскаго отъ 3 февраля:

«Благоволите описать мнѣ послѣдніе дни и часы почившаго владыки».

5., Отъ преосвященнаго Гурія, епископа Камчатскаго, Курильскаго и Благовѣщенскаго отъ 2 февраля:

«Глубоко опечаленъ кончиною любимѣйшаго Архипастыря, отца нашего. Повергаюсь предъ его священными останками съ молитвою о блаженномъ упокоеніи. Прошу васъ братеки облобызать вмѣсто меня. Сообщите, когда состоится погребеніе».

6., Отъ того же преосвященнаго отъ 5 февраля:

«Представляю скорбь Иркутска; самъ проникаюсь ею. Еще прошу воздать за меня почившему Архипастырю послѣднее цѣлованіе, полное любви и преданности».

7., *Отъ ректора Казанской Духовной Академии, протоіеря Александра Владимірскаго отъ 5 февраля.*

«Казанская Академія глубоко скорбитъ о почившемъ Архипастырѣ Иркутской паствы; вся академическая корпорація вознесла сегодня молитву объ упокоеніи души его въ селеніяхъ небесныхъ и выражаетъ свое сердечное соболъзанованіе осиротѣвшей паствѣ».

8., *Отъ Киевскаго Генералъ-Губернатора, Его Святельства, графа Алексѣя Павловича Игнатъева отъ 5 февраля.*

«Глубоко потрясенъ печальною вѣстію; заочно молитвенно соединяемся всесемейно съ Иркутскою паствою, оплакивающею любимаго и досточтимаго Архипастыря».

9., *Отъ него же и отъ 5 февраля:*

«Сердечно сочувствую, мысленно соединяюсь съ согражданами у гроба любимаго и высокочтимаго Архипастыря».

10., *Отъ Предсѣдателя Красноярскаго Губернскаго Правленія, статскаго совѣтника, Д. Н. Давыдова съ супругою отъ 3 февраля.*

«Кончина Владыки глубоко поразила насъ. Душевно сочувствуемъ вашему горю».

11., *Отъ нихъ же и отъ 3-же февраля:*

«Сейчасъ преосвященный*) соборне служилъ панихиду по новопреставившемся Архіепископѣ Веніаминѣ, неожидан-

*) Красноярскій Тпхонь.

ная кончина котораго глубоко поразила насъ. Кончина владыки — громадная утрата для Сибири вообще, для Иркутска особенно. Въ частности вспомнать о владыкѣ тѣ сирые, убогіе, для которыхъ онъ былъ всегдашнимъ покровителемъ».

12., Отъ смотрителя Нерчинскаго Духовнаго Училища, протогерея Павла Затопляева отъ 6 февраля:

«Въ Нерчинскѣ духовенство, училищные начальники, наставники и ученики глубоко поражены печальнымъ извѣстіемъ о смерти любимаго всѣми Архипастыря, высокопреосвященнѣйшаго Веніамина. Вѣруемъ, что Господь водворитъ душу его въ селеніяхъ праведныхъ, и будемъ усердно молиться о томъ Господу».

и 13., Отъ преподавателя Новгородской Духовной Семинарги, священника В. П. Смирнова отъ 5 февраля:

«Смертію владыки Веніамина глубоко потрясены; миръ праху незабвеннаго Архипастыря».

А. Н—мъ.